

ВСЕГДА ОСТАВАЙСЯ САМИМ СОБОЙ

Роберт Хайнлайн

ДВЕРИ ИНЫХ МИРОВ

Роберт Хайнлайн

Двери иных миров

«Азбука-Аттикус»

1942-1973

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Хайнлайн Р. Э.

Двери иных миров / Р. Э. Хайнлайн — «Азбука-Аттикус»,
1942-1973

ISBN 978-5-389-18484-8

Давно понятно, что автор культовой книги «Чужак в стране чужой», настольной у поколения «детей цветов» и ставшей символом всей нарождающейся контркультуры, знаменитого романа «Дверь в Лето», прочно занявшего место в большой литературе рядом с «Вином из одуванчиков» Рэя Бредбери и «Цветами для Элджернона» Дэниела Киза, ушел в своем творчестве за тесные рамки жанра и стал писателем общечеловеческого масштаба. В данном сборнике Роберт Хайнлайн играет на территории знаменитого фантазера Рэя Бредбери – играет и выигрывает! Тут вы найдете самые разные и самые необычные истории. Это полудетектив-полуфантазия «Неприятная профессия Джонатана Хога» – повесть об иллюзорности мира, который нас окружает. Рассказ «Наш прекрасный город» повествует о дружбе человека и странного существа, живущего на городских улицах. В книге есть рассказы о потерянной и возвращенной любви («Человек, который торговал слонами») и о доме, каждая дверь в котором ведет в непривычные для тебя места («В скрюченном домишке»). И о том, как вернуть себя, распавшегося на множество двойников («Все вы, зомби?..»). А еще о том... Впрочем, откройте книгу и всё узнаете сами.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-18484-8

© Хайнлайн Р. Э., 1942-1973

© Азбука-Аттикус, 1942-1973

Содержание

Роберт Хайнлайн	6
Неприятная профессия Джонатана Хога	8
1	9
2	15
3	21
4	30
5	39
6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Роберт Хайнлайн

Двери иных миров

Robert A. Heinlein

THE UNPLEASANT PROFESSION OF JONATHAN HOAG

Copyright © 1942 by Robert A. Heinlein

OUR FAIR CITY

Copyright © 1949 by Robert A. Heinlein

THE MAN WHO TRAVELED IN ELEPHANTS

Copyright © 1957 by Robert A. Heinlein

“ALL YOU ZOMBIES...”

Copyright © 1959 by Robert A. Heinlein

THEY

Copyright © 1941 by Robert A. Heinlein

“...AND HE BUILT A CROOKED HOUSE”

Copyright © 1941 by Robert A. Heinlein

BY HIS BOOTSTRAPS

Copyright © 1941 by Robert A. Heinlein

NO BANDS PLAYING, NO FLAGS FLYING

Copyright © 1973 by Robert A. Heinlein

All rights reserved

Серия «Азбука-бестселлер»

Перевод с английского Михаила Пчелинцева, Ирины Зивьевой, Павла Вязникова, Андрея Новикова, Владимира Гольдича, Ирины Оганесовой, Геннадия Корчагина, Сергея Трофимова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки и иллюстрация на обложке Сергея Шикина

© М. А. Пчелинцев (наследники), перевод, 1994

© И. А. Зивьева, перевод, 1994

© П. А. Вязников, перевод, 2003

© А. В. Новиков, перевод, 1994

© В. А. Гольдич, И. А. Оганесова, перевод, 2003, 2006

© Г. Л. Корчагин, перевод, 2020

© С. П. Трофимов, перевод, 1994

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Неприятная профессия Джонатана Хога

*...Бесстрашно отгоните
Надежд самообман,¹
С достоинством примите
Тот жребий, что нам дан:
Отжив, смежим мы веки,
Чтоб не восстать вовеки,
Все, как ни вьются, реки
Вольются в океан.*
А. Ч. Суинберн

¹ *...Бесстрашно отгоните // Надежд самообман...* – Цитата из стихотворения английского поэта Алджернона Чарльза Суинберна (1837–1909) «Сад Прозерпины» (перев. М. Донского).

1

– Это что, кровь?

Джонатан Хог нервно облизнул пересохшие губы и подался вперед, пытаясь прочитать, что написано на лежащем перед врачом листке бумаги.

Доктор Потбери пододвинул бумажку к себе и взглянул на Хога поверх очков.

– А почему вы, собственно, думаете, что у вас под ногтями кровь? Есть какая-нибудь причина?

– Нет. То есть... Ну, в общем, нет. Но ведь это все-таки кровь?

– Нет, – с каким-то нажимом сказал Потбери. – Нет, это не кровь.

Хог знал, что должен почувствовать облегчение. Но облегчения не было. Было внезапное осознание: все это время он судорожно цеплялся за страшную догадку, считая коричневатую грязь под своими ногтями засохшей кровью, с единственной целью – не думать о чем-то другом, еще более невыносимом.

Хога слегка затошнило. Но все равно он обязан узнать...

– А что это, доктор? Скажите мне.

Потбери медленно смерил его взглядом.

– Вы пришли ко мне с вполне конкретным вопросом. Я на него ответил. Вы не спрашивали меня, что это за субстанция, вы просили определить, кровь это или нет. Это не кровь.

– Но... Вы издеваетесь надо мной. Покажите мне анализ.

Приподнявшись со стула, Хог протянул руку к лежащей перед врачом бумаге.

Потбери взял листок, аккуратно разорвал его пополам, сложил половинки и снова разорвал их. И снова.

– Да какого черта!

– Поищите себе другого врача, – сказал Потбери. – О гонораре можете не беспокоиться. Убирайтесь. И чтобы ноги вашей здесь больше не было.

Оказавшись на улице, Хог направился к станции надземки. Грубость врача буквально потрясла его. Грубость пугала его – точно так же, как некоторых пугают змеи, высота или тесные помещения. Дурные манеры, даже не направленные на него лично, а только проявленные при нем, вызывали у Хога тошноту, чувство беспомощности и крайний стыд.

А уж если мишенью грубости становился он сам, единственным спасением было бегство.

Поставив ногу на нижнюю ступеньку лестницы, ведущей к эстакаде, он замялся. Даже при самых лучших обстоятельствах поездка в надземке была суровым испытанием: толчея, давка, жуткая грязь и каждую секунду – шанс нарваться на чью-либо грубость, сейчас ему этого просто не выдержать. Хог подозревал, что, услышав, как вагоны визжат на повороте, он завизжит и сам.

Он развернулся и тут же был вынужден остановиться, оказавшись нос к носу с каким-то человеком, направлявшимся к лестнице.

– Поосторожней, приятель, – сказал человек, проходя мимо отпрыгнувшего в сторону Хога.

– Извините, – пробормотал Хог, но человек был уже далеко.

Фраза, произнесенная прохожим, звучала резковато, но отнюдь не грубо, так что случай не должен был обеспокоить Хога, однако обеспокоил. Его вывели из равновесия одежда, лицо, даже сам запах этого человека. Хог прекрасно понимал, что поношенный комбинезон и кожаная куртка – совсем не повод для упрека, равно как и слегка запачканное лицо с полосами засохшего трудового пота. Козырек фуражки встречного украшала овальная кокарда с номером и какими-то буквами. Хог решил, что этот человек – водитель грузовика, или механик, или монтажник – словом, представитель одной из тех квалифицированных профессий, бла-

годаря которым бесперебойно крутятся колесики и шестеренки нашей цивилизации. Скорее всего, добропорядочный семьянин, любящий отец и хороший кормилец, а самые большие его отклонения от добродетели – лишняя кружка пива да склонность поднимать на пятицентовик, имея на руках две пары².

А то, что Хог позволяет себе безразлично относиться к такой внешности и предпочитает белую рубашку, приличное пальто и перчатки, – это просто каприз, другого слова и не подберешь. И все же, исходя от этого человека запах лосьона для бритья, а не пота, случайная встреча не оставила бы такого неприятного впечатления.

Все это Хог сказал себе, а заодно назвал себя глупым и слабонервным. И все же – неужели такое грубое, зверское лицо может быть маской, за которой скрываются теплота и чувствительность? С этой-то бесформенной картошкой вместо носа, с этими свинячьими глазками?

Ладно, все это ерунда, он поедет домой на такси и не будет ни на кого смотреть. Вот как раз и стоянка – чуть впереди, перед деликатесной лавкой.

– Куда едем?

Дверца такси была распахнута, в голосе шофера звучала безликая, безразличная настойчивость.

Хог поймал его взгляд, чуть поколебался и передумал. Опять это скотство – глаза, лишенные глубины, кожа, обезображенная черными головками угрей и крупными порами.

– Мм... извините, пожалуйста. Я кое-что забыл.

Хог отвернулся от машины и тут же снова был вынужден резко остановиться – кто-то вцепился ему в талию, как оказалось – маленький мальчик на роликовых коньках. Восстановив равновесие, Хог придал своему лицу выражение отеческой доброты, которое использовал при общении с детьми.

– Ну, ну, малыш.

Взяв мальчика за плечо, он осторожно отодрал его от себя.

– Морис!

Голос прозвучал над самым ухом, визгливый и бессмысленный. Кричала женщина, высокая и пухлая, только что появившаяся в дверях деликатесной лавки. Схватив мальчика за другое плечо, она рванула его в сторону, одновременно замахиваясь свободной рукой – с очевидной целью врезать ему по уху. Хог начал было защищать мальчика, но осекся, увидев, с каким выражением смотрит на него женщина. Почувствовав настроение матери, мальчишка пнул Хога ногой.

Стальные ролики ободрали голень. Было очень больно. Хог пошел прочь, куда попало, лишь бы уйти. Слегка прихрамывая из-за пострадавшей ноги, он свернул в первый же переулок, уши и затылок Хога горели от стыда, словно он вправду обидел этого щенка, на чем и был постыдно пойман. Переулок оказался не лучше улицы. Его не окаймляли витрины магазинов, над ним не висел стальной желоб надземки, зато здесь сплошной стеной стояли жилые дома, четырехэтажные, перенаселенные чуть ли не как ночлежки.

Поэты воспевают прекрасное и невинное детство. Только вряд ли их восторги относятся к обитателям такого вот переулка, да еще увиденным глазами Хога. Мальчишки напоминали ему крысят – злобные, пустые, не по годам ушлые. Девчонки – ничем не лучше. У восьми-девятилетних, неоформившихся и костлявых, все ясно написано на сморщенных личиках – сплетницы, мелкие злобные душонки, рожденные для каверз и глупой болтовни. Их чуть более старшие сестрички, едва вышедшие из детского возраста, но уже насквозь пропитанные трущобным духом, заняты, похоже, единственной мыслью – как бы произвести впечатление сво-

² Имеется в виду игра в покер, где две пары – довольно удачная комбинация, хотя и не высокая, на которой можно хорошо поднять ставку.

ими столь недавно обретенными женскими прелестями; объектом этих стараний являлся, естественно, не Хог, а прыщавые юнцы, околавивавшиеся вокруг драгстора.

Даже младенцы в колясках... Хог любил разыгрывать роль доброго дядюшки, считая, что ему нравятся маленькие дети. Только не эти. Обмотанные соплями, вонючие, жалкие, непрерывно визжащие...

Маленькая гостиница напоминала тысячи ей подобных, явно третьеразрядная и без малейших претензий на что-либо большее. Неоновая вывеска «Отель Манчестер», а ниже – помельче: «Комнаты для постоянных и временных жильцов». Вестибюль шириной всего в половину здания, длинный, узкий и плохо освещенный. Такое заведение не замечаешь, если только не ищешь его специально. В таких местах останавливаются коммивояжеры, вынужденные экономить командировочные, а постоянно живут холостяки, которым не по карману что-либо лучшее. Единственный лифт представлял собой клетку из железных прутьев, кое-как заляпанную бронзовой краской. Пол вестибюля кафельный, по углам – латунные плевательницы. Конторка портье, две чахлые пальмы в бочках и восемь кожаных кресел. Одинокие, ничейные старики, у которых, кажется, даже и прошлого никогда не было, сидят в этих креслах, живут в номерах где-то наверху. В этих номерах их и находят время от времени – качающимися на люстре, в петле из собственного галстука.

Хог не собирался заходить в «Манчестер», просто по тротуару неслась стайка детей, и ему пришлось попятиться, чтобы не быть сбитым с ног. Видимо, какая-то игра, до ушей донесся конец пронзительно выкрикиваемой считалки: «...летела мина из Берлина, по-немецки говорила, пендель в жопу, в глаз кулак, кто последний, тот дурак».

– Вы кого-нибудь ищите, сэр? Или желаете снять комнату?

Хог удивленно повернулся. Комната? Больше всего хотелось оказаться в собственной, такой уютной квартире, но в данный момент комната, любая комната, лишь бы в ней можно было запереться, отгородиться дверью от внешнего мира, тоже казалась чуть не пределом мечтаний.

– Да, мне нужна комната.

Развернув регистрационную книгу, портье пододвинул ее к Хогу.

– С ванной или без? С ванной – пять пятьдесят, без – три с половиной.

– С ванной.

Портье смотрел, как Хог расписывается в книге и отсчитывает деньги, но потянулся за ключом, только получив пять долларов пятьдесят центов.

– Рады иметь вас своим гостем. Билл! Проводи мистера Хога в четыреста двенадцатый.

Единственный рассыльный, скучавший в вестибюле, проводил Хога в ту самую золоченую клетку и искоса окинул взглядом с головы до ног, не упустив из внимания дорогой плащ и полное отсутствие вещей. В номере он чуть-чуть приоткрыл окно, включил в ванной свет и в ожидании замер у двери.

– Может, ищите кого-нибудь? – поинтересовался он. – Помощь нужна?

Хог сунул ему чаевые.

– Уматывай, – неожиданно грубо сказал он.

Похабная ухмылка исчезла с лица рассыльного.

– Как знаете, – пожал он плечами.

В комнате находилась двуспальная кровать, комод с зеркалом, стул и кресло. Над кроватью висела окантованная гравюра, изображавшая, если верить надписи, «Колизей в лунном свете». Но дверь запиралась не только на замок, но и на засов, а окно выходило не на улицу, а в узкий проулок. Хог опустил в кресло. Продавленное сиденье сейчас его не волновало.

Он снял перчатки и посмотрел на свои ногти. Абсолютно чистые. А может, все это просто галлюцинация? Может, он и не ходил к доктору Потбери? Если у человека однажды была потеря памяти, это может в любой момент повториться, да и галлюцинации – тоже.

Верно, но не могло же все это ему просто примерещиться, слишком уж ярко воспоминания. Или могло? Он начал перебирать события в памяти.

Сегодня среда, у него был выходной, как и всегда по средам. Вчера он вернулся с работы обычным путем и в обычное время. Он начал одеваться к ужину – несколько рассеянно, так как одновременно решал, куда пойти. Попробовать этот новый итальянский ресторанчик, который так расхваливает чета Робертсонов? А может, надежнее будет положиться на неизменно аппетитный гуляш, приготовленный шеф-поваром «Будапешта»?

Решение остановиться на последнем, более безопасном варианте было уже почти принято, когда зазвонил телефон. Хог чуть не прозевал этот звонок из-за воды, шумевшей в раковине.

Услышав что-то вроде звонка, он закрыл кран. Ну так и есть – телефон.

Звонила миссис Померой-Джеймсон, одна из тех немногих, в гости к кому он любил ходить, очаровательная женщина, а заодно еще и обладательница повара, который умеет готовить прозрачные супы, не напоминающие по вкусу воду, оставшуюся после мытья посуды. И соусы. Так что проблема решилась сама собой.

– Меня неожиданно подвели в самый последний момент, и мне просто необходим еще один мужчина за столом. Вы свободны? И вы согласитесь мне помочь? Согласны? Мистер Хог, вы просто душа.

Хог очень обрадовался, нимало не обижаясь, что его позвали в последнюю секунду вместо кого-то другого, – нельзя же, в конце концов, ожидать, что тебя будут приглашать на каждый маленький ужин. Он был в восторге от возможности оказать услугу Эдит Померой. Она подавала к рыбе незамысловатое, но вполне пристойное белое вино и никогда не опускалась до распространенного сейчас вульгарного обычая подавать шампанское когда попало. Прекрасная хозяйка, и Хогу льстило, что она так легко обратилась за помощью именно к нему. Значит, она чувствовала, что, даже не запланированный заранее, он хорошо впишется в компанию гостей.

Вот с такими мыслями в голове, вспоминал Хог, он и одевался. Наверное, за всеми этими волнениями, да еще с телефонным звонком, прервавшим привычные процедуры, он и забыл почистить ногти.

Да, так оно, скорее всего, и произошло. Уж конечно, ему негде было испачкать ногти – да еще таким жутким образом – по пути к Помероям, к тому же он был в перчатках.

И кто бы там увидел эти ногти, он бы и сам ничего не заметил, если бы не золовка миссис Померой – женщина, которой Хог всегда старался по возможности избегать. С не допускающей сомнения уверенностью, считающейся почему-то современной, она провозгласила, что род занятий человека оставляет на нем безошибочные следы.

– Возьмите, например, моего мужа – ну кем он может быть, как не адвокатом? Или вы, доктор Фиттс, всегда словно у постели больного.

– Надеюсь, не тогда, когда я на званом ужине?

– Но полностью от этого вам никогда не избавиться.

– Пока что вы ничего нам не доказали. Вы же знаете, кто мы такие.

После чего эта до крайности неприятная женщина окинула взглядом сидящих за столом и уставилась в конце концов на Хога.

– Пусть меня проверит мистер Хог. Я не знаю, чем он занимается. Никто не знает.

– Ну что ты придумываешь, Джулия.

Увидев, что уговоры бесполезны, миссис Померой повернулась к своему соседу слева.

– В этом году Джулия занялась психологией, – улыбнулась она.

Левый ее сосед, Садкинс, или Снаггинс, или нет, Стаббинс, так вот, этот Стаббинс спросил:

– А каков род занятий мистера Хога?

– Это маленькая тайна. Он никогда не разговаривает в обществе о работе.

– Да нет, – вмешался Хог. – Я просто не считаю...

– Только не говорите, – остановила его эта женщина. – Я сейчас определю сама. Какое-то из профессиональных занятий. Я так и вижу вас с портфелем.

Он и не собирался ничего ей говорить. Некоторые предметы годятся для обсуждения за столом, некоторые – нет. Но она продолжала:

– Возможно, вы занимаетесь финансами. А может, торгуете картинами или книгами. Похожи вы и на писателя. Покажите мне ваши руки.

Несколько обескураженный такой просьбой, Хог положил, однако, руки на стол без малейших опасений.

Женщина прямо бросилась на него.

– Ну вот, все ясно. Вы химик.

Все повернули головы. И все увидели темные каемки под его ногтями. Наступившую на мгновение тишину нарушил ее муж:

– Что за ерунда, Джулия. Ногти можно испачкать десятками различных способов. Возможно, Хог балуется фотографией или гравировает по металлу. Твоя догадка не пройдет без доказательств ни в одном суде.

– Вот, полюбуйтесь, как рассуждают адвокаты! А я уверена, что не ошибаюсь. Ведь правда, мистер Хог?

Все это время он неотрывно смотрел на свои ногти. Появиться на званом ужине с грязными ногтями – уже одного этого было достаточно для расстройства.

Но Хог к тому же не имел ни малейшего представления, где он мог испачкать ногти. На работе? Вероятно, да, но только чем он занимался на работе?

Он не знал.

– Так скажите, мистер Хог, я права?

С большим трудом отведя глаза от этих жутких каемок, Хог еле слышно пробормотал: «Прошу извинить меня» – и встал из-за стола. В ванной он, поборов беспричинное отвращение, вытащил перочинный нож и выскреб из-под ногтей липкую красновато-коричневую грязь. Непонятная субстанция пристала к лезвию, он вытер его бумажной салфеткой, чуть помедлил, сложил салфетку и сунул ее в жилетный карман. А затем взял щетку и несколько раз тщательно вымыл руки.

Хог не мог уже вспомнить, в какой именно момент появилась у него уверенность, что это вещество – кровь, человеческая кровь.

Он сумел найти котелок, плащ, перчатки и трость, не обращая за помощью к горничной, и, ни с кем не прощаясь, торопливо покинул дом гостеприимной хозяйки.

Обдумывая это происшествие сейчас, в тишине убогого гостиничного номера, Хог понял, что первый его страх был вызван инстинктивным отвращением при виде темно-красной грязи под ногтями. И лишь потом он осознал, что не понимает, где мог испачкать ногти, не понимает потому, что не помнит, где был сегодня. Или вчера. Или в любой из предыдущих дней. Он не знал, какая у него профессия.

Это было нелепо, чудовищно – и очень пугало.

Ужинать Хог не стал, чтобы не покидать жалкую, но зато спокойную комнатку; около десяти часов он наполнил ванну довольно горячей – какая уж текла из крана – водой и лег в нее. Купание немного успокоило, судорожно мелькавшие мысли пришли хоть в какой-то порядок. «Во всяком случае, – утешал себя Хог, – если я не способен вспомнить род своих занятий,

то, уж конечно, не смогу к ним вернуться. И значит, не рискую снова обнаружить у себя под ногтями эту мерзость».

Хог вылез из ванны, вытерся, лег и, несмотря на непривычную кровать, сумел в конце концов уснуть.

Проснулся он от какого-то страшного сна, хотя не сразу это понял, настолько убогая безвкусица комнаты согласовывалась со сном. Когда он осознал, где и почему находится, даже кошмарный сон показался предпочтительнее реальности. Правда, вспомнить, что именно снилось, Хог уже не мог. На часах обычное время его утреннего подъема; позвонив коридорному, Хог заказал завтрак в номер.

К тому времени, как из расположенного за углом ресторанчика принесли завтрак, Хог уже оделся и был полон нетерпеливого желания отправиться домой. Выпив две чашки безвкусного кофе и поковыряв еду, Хог покинул гостиницу.

Войдя в свою квартиру, он повесил плащ и шляпу, снял перчатки и привычно направился в ванную. Здесь он тщательно вычистил ногти левой руки и как раз взялся за правую, когда сообразил, чем занимается.

Ногти левой его руки были белыми и чистыми, а правой – темными и грязными. Из всех сил стараясь сдерживаться, Хог выпрямился, взял с туалетного столика свои часы, затем пошел в спальню и проверил их по висящим там электрическим часам. И те и другие показывали десять минут седьмого – обычное время, когда он возвращается домой вечером.

Возможно, он и забыл свою профессию, но вот она-то о нем не забыла.

2

Ночной телефон фирмы «Рэндалл и Крэг, конфиденциальные расследования» располагался не в конторе, а на квартире – это было удобнее, так как Рэндалл женился на Крэг еще на заре их делового сотрудничества. Младший партнер только что положила грязные после ужина тарелки в раковину и теперь пыталась принять решение: нужна ли ей «книга месяца», рекомендованная клубом, когда раздался телефонный звонок и пришлось брать трубку.

– Да? – спросила она не очень довольным голосом и добавила через несколько секунд: – Да.

Старший партнер приостановил свое занятие, а занятием этим было весьма сложное научное исследование, связанное с оружием, баллистикой и некоторыми крайне эзотерическими аспектами аэродинамики, – говоря конкретно, он отрабатывал бросок дартса из-под руки, причем мишенью служило прикрепленное к доске для резки хлеба цветное изображение самой модной сейчас в обществе девицы. Один дартс воткнулся красоте прямо в левый глаз, теперь шли попытки придать лицу симметрию.

– Да, – снова сказала Крэг, жена Рэндалла.

– А ты попробуй сказать «нет», – посоветовал ей муж.

– Заткнись и дай карандаш, – ответила она, прикрыв микрофон рукой, а затем перегнулась через столик и сняла с крюка висевший на стене блокнот.

– Да, говорите.

Получив от супруга карандаш, она изобразила на бумаге несколько крючков и загогулин, которыми пользуются стенографистки вместо нормальных человеческих букв.

– Не думаю, – сказала она после некоторой паузы. – В такое время мистера Рэндалла обычно нет. Он предпочитает принимать клиентов в нормальные рабочие часы. Мистер Крэг? Нет, мистер Крэг не сможет вам помочь. Да, уверена. Даже так? Подождите секунду, не вешайте трубку, я попробую узнать.

Рэндалл совершил еще одно покушение на очаровательную девушку. Дарт воткнулся в ножку радиолы.

– Так что там?

– Звонит какой-то тип, которому просто не терпится увидеться с тобой, и прямо сегодня. По фамилии Хог, Джонатан Хог. Заявляет, что ему физически невозможно посетить тебя днем. Сперва не хотел говорить, что у него за дело, а когда попробовал – напел нечто несусветное.

– Джентльмен или жлоб?

– Джентльмен.

– С деньгами?

– Похоже. Эта сторона его вроде не беспокоит. Возьми-ка ты это дело, Тедди. Пятнадцатое апреля на носу.

– Хорошо. Дай мне его.

Отмахнувшись от мужа, она снова заговорила в трубку:

– К счастью, я сумела все-таки найти мистера Рэндалла. Через несколько секунд он сможет с вами поговорить. Подождите, пожалуйста.

Прервав разговор, она аккуратно отсчитала по часам тридцать секунд, а затем сказала:

– Мистер Рэндалл на проводе. Говорите, мистер Хог. – И сунула трубку мужу.

– Говорит Эдвард Рэндалл. В чем у вас дело, мистер Хог?

Выслушав Хога, Рэндалл заключил:

– Мистер Хог, думаю, вам все-таки лучше зайти сюда утром. В конце концов, мы ведь тоже люди и должны когда-то отдыхать, во всяком случае, я должен... Хочу сразу предупредить вас, мистер Хог, когда солнце опускается, цены у меня поднимаются... Ну, дайте немного

подумать. Я как раз собирался идти домой. По правде говоря, я только что позвонил своей жене, и она ждет меня, а вы же знаете, что такое женщины. Но если бы вы согласились зайти ко мне домой минут через двадцать, то есть в... э-э... восемь семнадцать, мы могли бы поговорить. Хорошо. У вас есть под рукой карандаш? Пишите адрес...

Рэндалл положил трубку на рычаг.

– Ну и кем же буду я на этот раз? Женой, партнером или секретаршей?

– А ты сама как думаешь? Ведь это ты с ним говорила.

– Лучше, пожалуй, женой, а то голос у него малость чопорный.

– Женой так женой.

– И я переоденусь в платье. А ты, Мозговой Центр, убрал бы куда-нибудь эти свои цапки.

– Может, не стоит? Хороший штрих, такая, знаешь ли, небольшая невинная эксцентричность.

– Давай тогда выложим еще трубочный табак в ковровом шлепанце. Или сигареты «Режи»³.

Она выключила верхний свет, а затем поставила стол и торшеры таким образом, чтобы кресло, в которое сядет посетитель, было хорошо освещено.

Не удостоив ответом гнусный выпад младшего партнера, старший партнер детективного агентства собрал дарты, взял хлебную доску, задержавшись на мгновение, чтобы посплюнуть палец и потереть им царапину на радиоле, закинул все это хозяйство на кухню и прикрыл дверь. В мягком, приглушенном свете комната, из которой больше не открывался вид на кухню, выглядела строго и почти богато.

– Добрый вечер, сэр. Дорогая, это мистер Хог. Мистер Хог... миссис Рэндалл.

– Добрый вечер, мадам.

Рэндалл помог гостю снять плащ, попутно удостоверившись, что тот не вооружен или, если вооружен, носит пистолет не под мышкой, не на бедре, а в каком-то более скрытном месте. Рэндалл не страдал болезненной подозрительностью, он просто был прагматичным пессимистом.

– Садитесь, пожалуйста, мистер Хог. Сигарету?

– Нет, спасибо.

Рэндалл помолчал. Он сидел и разглядывал посетителя – не грубо, спокойно, но в то же время внимательно. Костюм английский или от братьев Брукс. И уж во всяком случае, не дешевка от Харта, Шаффнера и Маркса. Галстук такого качества, что впору называть его краватом, и притом скромный что твоя монашенка. Да, тут можно содрать гонорар и побольше. Этот коротышка нервничает, никак не может сесть в кресле свободно. Возможно, его сковывает присутствие Синтии. Тем лучше, пусть немного дойдет на медленном огне, а потом отставим в сторону.

– Вы только не стесняйтесь миссис Рэндалл, – сказал он в конце концов. – Все, что можно доверить мне, можно доверить и ей.

– О... о да. Да, конечно. – Не поднимаясь с кресла, Хог поклонился всем корпусом, от талии. – Я счастлив, что в нашей беседе будет участвовать миссис Рэндалл.

На этом он замолчал, не собираясь вроде говорить о своих проблемах.

– Ну так что, мистер Хог, – сказал наконец Рэндалл, утомившись игрой в молчанку, – вы, кажется, хотели о чем-то со мной посоветоваться, я верно вас понял?

– Н-ну, да.

– Тогда, возможно, вы расскажете мне, что у вас за дело?

³ Сигареты «Режи» – марка так называемых турецких сигарет, с конца XIX в. выпускавшихся французской монопольной компанией «Régie» из турецкого табака.

– Да, конечно. Это... То есть... Понимаете, мистер Рэндалл, вся эта история просто нелепа.

– Так обычно и бывает. Но вы продолжайте. Неприятности с женщиной? Или кто-нибудь вас шантажирует?

– Нет, нет! Ровно ничего похожего, все гораздо сложнее. Но я боюсь.

– Чего?

– Не знаю, – быстро ответил Хог и добавил, судорожно переводя дыхание: – Мне нужно, чтобы вы это узнали.

– Подождите немного, мистер Хог, – недоумевающе остановил его Рэндалл. – Я что-то ничего не понимаю. Вы говорите, что боитесь чего-то, и хотите, чтобы я выяснил, чего именно вы боитесь. Но ведь я не психоаналитик. Я детектив. Чем конкретно может помочь вам в вашем деле детектив?

Хог молчал, вид у него был совершенно несчастный.

– Я хочу, чтобы вы узнали, чем я занимаюсь днем, – выпалил он наконец.

Рэндалл снова внимательно оглядел своего клиента.

– Так, значит, вы хотите, чтобы я узнал, чем вы занимаетесь днем?

– Да. Да, именно так.

– Мм. А не проще ли будет, если вы сами расскажете мне это?

– Я не могу этого рассказать.

– Почему?

– Потому, что не знаю.

Рэндалл начало охватывать раздражение.

– Мистер Хог, – сказал он. – За игру в загадки я обычно беру по двойному тарифу. Если я сейчас не услышу, чем вы занимаетесь днем, это будет вполне определенно указывать на недостаток у вас ко мне доверия, а в таком случае мне будет крайне затруднительно оказать вам какую бы то ни было помощь. Давайте начистоту. Чем вы занимаетесь днем и как это связано с вашим делом? И вообще, в чем состоит ваше дело?

Мистер Хог встал.

– Я так и знал, что не смогу ничего объяснить, – сказал он убитым голосом, скорее самому себе, чем Рэндаллу. – Извините, пожалуйста, что я вас побеспокоил. Я...

– Подождите, мистер Хог, – впервые вмешалась Синтия Крэг-Рэндалл. – Мне кажется, вы двое просто не понимаете друг друга. Ведь вы имеете в виду, если я верно понимаю, что самым буквальным образом не знаете, чем именно занимаетесь в дневное время?

– Да, – благодарно повернулся к ней Хог. – Да, именно так.

– И вы хотите, чтобы мы это узнали? Проследили за вами, выяснили, куда вы ходите, а потом рассказали вам, что вы там делали?

– Да, – энергично кивнул головой Хог. – Именно это я и пытался сказать.

Рэндалл перевел взгляд с Хога на жену, а затем опять на Хога.

– Давайте сформулируем все поточнее, – медленно сказал он. – Значит, вы действительно не знаете, чем занимаетесь в дневное время, и хотите, чтобы я это узнал. Сколько времени продолжается такая ситуация?

– Я... я не знаю.

– Хорошо, ну а что же вы знаете?

С некоторыми понуканиями Хог сумел все-таки рассказать свою историю. Из своего прошлого он помнил только последние пять лет, начиная с Дубьюка, с санатория Святого Георгия. Необратимая амнезия – но эта болезнь больше его не беспокоила, он считал себя полностью вылечившимся. При выписке они, то есть администрация санатория, подыскали ему работу.

– Какую работу?

Этого Хог не знал. По всей видимости, это была та же самая должность, которую он занимал и сейчас, теперешняя его работа. Выписывая Хога из санатория, врачи настоятельно рекомендовали ему никогда не беспокоиться о служебных делах, никогда не брать работу на дом – не только в буквальном смысле слова, но даже в мыслях.

– Видите ли, – объяснил Хог, – они исходят из теории, что амнезия вызывается беспокойством и переутомлением. Доктор Рено подчеркивал – мне это очень хорошо запомнилось, – что я не должен в свободное время говорить о работе, не должен о ней даже думать. Возвращаясь вечером домой, я должен забывать о делах и думать о более приятных материях. Именно так я и старался поступать.

– Хм. И похоже, добились успеха, такого успеха, что даже с трудом верится. Послушайте, а не пользовались ли они при лечении гипнозом?

– Не знаю, просто не знаю.

– Наверное, пользовались. А как думаешь ты, Син? Ведь все согласуется.

– Да, согласуется, – кивнула Синтия. – Постгипнотическое внушение. Пять лет такой жизни – и он просто не может после работы думать о ней, не может, как бы ни старался. Только странная какая-то это терапия.

Рэндалл был вполне удовлетворен. Психология – это по ее части. Строит ли Синтия свои заключения на основе науки (формальная подготовка у нее вполне приличная) или берет готовыми откуда-то из подсознания – этого он не знал, да, собственно, и знать не хотел. Главное – она всегда права.

– Но у меня есть еще один вопрос, – добавил он. – Целых пять лет вы живете себе, не имея представления, где ваша работа и что вы там делаете. Отчего же вдруг такой интерес и озабоченность?

Хогу пришлось рассказать про разговор за столом, странное вещество под ногтями и про непонятное поведение врача.

– И я боюсь, – закончил он несчастным голосом. – Сперва я думал, это кровь. А теперь я знаю, что это нечто худшее.

– Почему? – недоуменно поглядел на него Рэндалл.

Хог нервно облилиз губы.

– Потому, что...

Он беспомощно смолк.

– Но ведь вы поможете мне?

Рэндалл встал.

– Это не по моей части, – сказал он. – Совершенно ясно, что вам действительно нужна помощь, но помощь психиатра, а не детектива. В амнезии я ничего не понимаю.

– Но я хочу именно детектива. Я хочу, чтобы вы проследили за мной и выяснили, чем я занимаюсь.

Рэндалл открыл было рот, чтобы отказаться, но его остановила Синтия.

– Мы сумеем помочь вам, мистер Хог, я в этом уверена. Пожалуй, вам и вправду стоит обратиться к психиатру...

– Нет, ни в коем случае.

– ...Но если вы хотите, чтобы за вами проследили, это можно организовать.

– Не нравится мне это, – повернулся к жене Рэндалл. – Мы ему не нужны.

– Я оплачу ваши хлопоты.

Хог положил перчатки на столик, полез в карман пиджака и начал отсчитывать купюры.

– У меня тут только пять сотен, – озабоченно посмотрел он на Рэндалла. – Хватит этого?

– Сойдет, – ответила вместо мужа Синтия.

– В качестве задатка, – уточнил Рэндалл. Взяв деньги, он небрежно сунул их в карман. – А кстати, – добавил он, – если вы не знаете, чем занимаетесь на работе и все ваше прошлое ограничивается больницей, откуда же у вас деньги?

Вопрос был задан без нажима, словно между прочим.

– О, мне платят каждое воскресенье. Двести долларов наличными.

Когда Хог ушел, Рэндалл отдал деньги жене.

– Какие красивые фантики, – сказала она, разгладив и аккуратно сложив купюры. – Тедди, а чего это ты прямо из кожи вон лез, чтобы испортить такую голевую ситуацию?

– Я хотел испортить? Да ничего подобного, я просто вздувал цену. Старая методика «видеть-тебя-не-могу-обними-меня-покрепче».

– Так я и думала. Только ты чуть не перестарался.

– Ни в коем разе. Я знал, что всегда могу положиться на тебя. Что уж ты-то не выпустишь клиента из дома, пока тот не выложит все до последнего цента.

Синтия весело улыбнулась:

– Хороший ты все-таки человек, Тедди. И у нас с тобой очень много общего. Мы оба любим деньги. Ну и на сколько ты поверил этой истории?

– Ни на грош.

– Вот и я тоже. Очень неприятный тип, плюгавый и какой-то жутковатый. Интересно, что это он такое задумал.

– Не знаю, но намерен выяснить.

– Ты что, собираешься сам за ним следить?

– А почему бы и нет? Зачем платить десятку в день какому-нибудь отставному полицейскому, который обязательно сделает все сикось-накось?

– Мне как-то все это не по душе, Тедди. С чего это он платит такую кучу денег, – Синтия махнула рукой в сторону аккуратно сложенных купюр, – за удовольствие поводить тебя за нос?

– Вот это я и узнаю.

– Только поосторожнее. Не забывай про «Союз рыжих».

– Союз... а, опять Шерлок Холмс. Пора бы тебе и повзрослеть, Син.

– А я взрослая. Чего и вам желаю. Этот коротышка вызывает у меня ужас.

Синтия вышла, чтобы спрятать деньги. Вернувшись в комнату, она обнаружила своего мужа рядом с креслом, в котором только что сидел Хог. Стоя на коленях, Рэндалл сосредоточенно работал распылителем. Он поднял на нее глаза.

– Син...

– Да, Мозговой Центр?

– Ты не трогала это кресло?

– Конечно нет. Я только протерла его ручки перед приходом этого типа – все как обычно.

– Я не про это, я про после его ухода. Ты не помнишь, он снимал перчатки?

– Подожди-ка секунду. Да. Я уверена, что снимал. Я помню, как посмотрела на его ногти, когда он нам про них вешал лапшу на уши.

– Вот и я тоже, просто хотелось проверить, не спятил ли я. Ты погляди на эту поверхность.

Синтия осмотрела полированные подлокотники кресла, покрытые сейчас тонким слоем серого порошка. Девственно-гладкая поверхность, ни одного отпечатка пальца.

– Наверное, он до них не дотрагивался... Да нет же, дотрагивался. Я сама это видела. Сказав «но я боюсь», он прямо вцепился в ручки. Я помню, как побелели костяшки его пальцев.

– Может, коллодий?

– Не говори глупостей. Тут же вообще ни пятнышка. Ты пожимал ему руку. Так что, был у него коллодий на ладонях?

– Не думаю. Я должен был бы заметить. Человек Без Отпечатков Пальцев. Давай будем считать его призраком и забудем о нем.

– Призраки не платят наличными за то, чтобы за ними пустили хвост.

– Нет, не платят. По крайней мере, я о таком не слышал.

Поднявшись на ноги, Рэндалл направился к телефону и набрал номер междугородной связи.

– Мне нужна медицинская служба Дубьюка, э-э...

Прикрыв микрофон ладонью, он окликнул жену:

– Слушай, лапа, а в каком штате этот чертов Дубьюк?

По прошествии сорока пяти минут и нескольких телефонных разговоров трубка была с силой брошена на рычаг.

– Всё один к одному, – объявил Рэндалл. – В Дубьюке нет санатория Святого Георгия. Нет, не было и, скорее всего, никогда не будет. Ну и доктора Рено, естественно, тоже нет.

3

– Вон он!

Синтия Крэг-Рэндалл больно толкнула своего мужа локтем. Тот продолжал держать перед лицом «Трибюн», делая вид, что газета очень его заинтересовала.

– Сам вижу, – тихо ответил он. – Возьми себя в руки. Можно подумать, ты никогда раньше ни за кем не следила. Главное тут – не суетиться.

– Тедди, я прошу тебя, будь осторожен.

– Непременно.

Глядя поверх газеты, он проследил, как Джонатан Хог спускается по ступенькам. Квартира коротышки располагалась в Готем-билдинге, здании весьма фешенебельном. Выйдя из-под козырька парадного входа, загадочный клиент свернул налево. Было ровно без семи минут девять утра.

Рэндалл встал, аккуратно, не спеша, свернул газету, положил ее на скамейку автобусной остановки – своего наблюдательного пункта, а затем повернулся к расположенному рядом драгстору и опустил монетку в щель автомата, торгующего жевательной резинкой. Зеркало, укрепленное на лицевой стороне автомата, давало ему прекрасный вид на Хога, неторопливо шествующего по противоположной стороне улицы. Столь же неторопливо Рэндалл двинулся следом, но по своей стороне.

Синтия продолжала сидеть на скамейке и только тогда, когда муж удалился на полквартала, встала и пошла за ним.

На следующем углу Хог вошел в автобус. Воспользовавшись задержкой автобуса у светофора, Рэндалл перебежал улицу на красный свет и успел к автобусу в тот самый момент, когда тот трогался с места. Хог поднялся на открытый второй этаж машины. Рэндалл уселся внизу.

Синтия подбежала слишком поздно, однако успела разглядеть номер автобуса. Остановив первое же свободное такси, она сказала этот номер водителю, и они пустились в погоню. Увидеть автобус удалось только через двенадцать кварталов, а еще через три квартала красный светофор позволил шоферу такси встать рядом с автобусом. Синтия рассмотрела внутри своего мужа, больше ей ничего и не надо было. Остаток поездки она посвятила тому, чтобы все время иметь в кулаке точную сумму по счетчику плюс четвертак чаевых.

Увидев, что Хог и Рэндалл выходят, она попросила шофера притормозить. Такси свернуло к бровке тротуара в нескольких ярдах от автобусной остановки. К несчастью, Хог шел как раз в ее направлении, и Синтия не смогла выйти сразу. Она отсчитала шоферу точную сумму, одновременно краем глаза – того глаза, который у хорошего сыщика расположен на затылке, – приглядывая за мужем и Хогом. Таксист стал поглядывать на свою пассажирку с явным любопытством.

– А вы бегаєте за бабами?

Неожиданный вопрос немного ошарашил его.

– Нет, мадам. Я человек семейный.

– А вот мой муж бегаєт, – бесстыдно соврала она полным горечи голосом. – Возьмите. Тот самый четвертак перешел наконец в руки таксиста.

Теперь объекты ее внимания уже удалились на несколько ярдов. Выйдя из машины, Синтия пересекла тротуар, остановилась в ожидании перед витриной какого-то магазина. К своему крайнему удивлению, она увидела, как Хог обернулся и заговорил с Рэндаллом. Было далеко, и слов она не расслышала.

Синтия замялась в нерешительности – подходить к ним или нет. Все шло не так, как намечалось, и это настораживало, но Рэндалл не выказывал никаких признаков озабоченности.

Он спокойно выслушал Хога, после чего они вместе поднялись по ступенькам административного здания, перед которым и происходил их разговор.

Теперь Синтия двигалась быстро. Как и должно быть в такое время, вестибюль кишел людьми. Шесть расположенных в ряд лифтов работали безостановочно. Перед самым ее носом захлопнулись двери лифта номер два, а третий как раз начал заполняться. В третьем их не было, Синтия встала рядом с табачным киоском и быстро огляделась.

В вестибюле их не было. Не было их и, как она быстро в том убедилась, в парикмахерской, примыкавшей к вестибюлю. Скорее всего, они успели попасть во второй лифт. Синтия начала наблюдать за его указателем. Впрочем, толку от этого занятия было чуть: лифт останавливался почти на каждом этаже.

Когда второй лифт снова открыл двери, она вошла в него не первой, не последней, а в толпе. Этаж называть она не стала, а подождала, пока выйдет последний из пассажиров.

Лифтер недоуменно поднял брови.

– Этаж, пожалуйста.

Синтия продемонстрировала ему долларовую бумажку.

– Мне нужно с вами поговорить.

Лифтер закрыл двери, обеспечив предполагаемому разговору подобающую конфиденциальность.

– Только быстро, – сказал он, с тревогой глядя на истерически мигающие лампочки вызова.

– В последний раз к вам вошли двое мужчин, вместе.

Быстро и очень живо Синтия описала лифтеру своего мужа и Хога.

– Я хочу знать, на каком этаже они вышли.

– Не знаю, – покачал головой лифтер. – Сейчас ведь час пик, в таком сумасшедшем доме разве запомнишь.

Синтия добавила к первой бумажке вторую.

– Думайте. Скорее всего, они вошли последними. Возможно, им приходилось выходить на остановках, чтобы выпустить других. А этаж, вероятно, называл тот, который пониже.

Лифтер снова покачал головой.

– Ничего я не вспомню, даже за пятерку. При такой толкучке появиться тут хоть леди Годива вместе со своей кобылой⁴, я и их не замечу. Ну так что, выйдете здесь или везти вас вниз?

– Вниз. – Синтия сунула ему одну из бумажек. – И на том спасибо.

Лифтер взглянул на доллар, пожал плечами и сунул его в карман.

Теперь оставалось только одно: занять позицию в вестибюле и ждать. Именно так и сделала кипящая негодованием Синтия. Это же надо, думала она, попалась как маленькая на самый старый из способов избавления от хвоста. Гордо именовать себя сыщицей и попасться на трюк с административным зданием! Их небось давно здесь нет, а Тедди ломает голову, куда могла подеваться его надежная напарница. Может быть, как раз сейчас ему нужна помощь.

Ей бы лучше вязанием заняться. Или вышивать крестиком. Вот же черт!

Синтия купила в табачном киоске бутылку пепси-колы и, все так же стоя, неторопливо ее выпила. Она как раз думала, сможет ли – из соображений маскировки – поглотить еще одну бутылку этой бурды, когда появился Рэндалл.

⁴ *Леди Годива* – жена Леофрика, графа Мерсии, лорда Ковентри, который в 1040 г. якобы обложил жителей графства непосильным налогом. Леди Годива умоляла налог отменить, и супруг согласился – при условии, что его жена обнаженной проедет верхом на лошади через весь город. Женщина приняла вызов и выполнила условие – причем, как утверждает записанная в XIII в. Роджером Вендоверским легенда, горожане при ее приближении, лишь слышав стук копыт, опускали взгляд.

И только теперь, когда Синтию охватило огромное, всепоглощающее облегчение, она осознала, в каком страхе провела эти минуты. Однако выходить из роли она не стала и безразлично отвернулась, зная, что муж узнает ее по затылку не хуже, чем по лицу.

Он не подошел к ней и не заговорил, поэтому Синтия продолжала наблюдение. Хог нигде не было видно. Прозевала она его, что ли?

Выйдя из здания, Рэндалл дошел до угла, задумчиво посмотрел на стоянку такси, а затем вскочил в только что остановившийся автобус. Она вошла следом, но не сразу, а пропустив перед собой нескольких человек. Автобус тронулся. Хог на этой остановке не сажился, и Синтия решила, что нет никакого риска в нарушении условленной процедуры.

Рэндалл поднял глаза на появившуюся рядом с ним жену.

– Син! Я уже думал, что потерял тебя.

– Почти так оно и было, – призналась она. – Но ты расскажи, как там дела?

– Подожди, в конторе все узнаешь.

Ждать она не хотела, однако смирилась. Автобус подвез партнеров фирмы «Рэндалл и Крэг» прямо к зданию, в котором располагалась их контора, да и езды той было всего шесть остановок. Открыв дверь крошечного помещения, Рэндалл сразу направился к телефону. Аппарат, установленный в их конторе, был подключен к коммутатору круглосуточной секретарской службы.

– Были звонки? – спросил он и добавил, помедлив несколько секунд: – О'кей. Пришлите записи. Можете особенно не спешить.

Положив трубку, он повернулся к жене.

– Ну что ж, крошка, это самые легкие пять сотен, какие мы когда-нибудь зашибали.

– Ты выяснил, чем он там занимается?

– Конечно.

– Ну и чем же?

– А ты угадай.

Синтия смерила мужа взглядом.

– А по соплям не хочешь?

– Ладно, ладно, стихни. Тебе бы в жизнь не угадать, хотя все это крайне просто. Он работает ювелиром – шлифует драгоценные камни. И ты знаешь, что это было у него под ногтями, из-за чего он так всполошился?

– Ну?

– Ровно ничего страшного, да и вообще интересного. Красная полировочная паста. А он, со своим больным воображением, решил, что это засохшая кровь. Вот так мы и отхватили полкуса.

– Мм. Похоже, что так и есть. А работает он, как я понимаю, где-то в этом корпусе «Акме».

– Комната тысяча триста десять. Или, скорее, кабинет тысяча триста десять. А ты почему отстала?

Синтия немного замаялась. Ей не хотелось сознаваться в своей неловкости, однако привычка – они с мужем всегда и все говорили друг другу прямо – оказалась сильнее.

– Я немного растерялась, когда Хог заговорил с тобой у входа в «Акме», и пропустила ваш лифт.

– Ясненько. Ну что ж, я... погоди! Что это ты такое мелешь? Хог заговорил со мной?

– Ну да.

– Но он же со мной не говорил. Он меня даже не видел. О чем это ты?

– О чем это я? О чем это ты! Буквально за минуту до того, как вы с ним вошли в здание, Хог остановился, обернулся и заговорил с тобой. Вы стояли там и трепались, что несколько сбило меня с толку. А затем вы с ним вошли в вестибюль, чуть ли не под ручку.

Несколько секунд, показавшихся Синтии очень долгими, Рэндалл сидел, молчал и как-то странно смотрел на нее. В конце концов она не выдержала:

– Ну что ты уставился на меня, словно недоумок какой. Что там случилось?

– А теперь, Син, – медленно заговорил Рэндалл, – послушай, как все было. Я вышел из автобуса после Хога и проследовал за ним в вестибюль «Акме». В лифт я вошел по старой методике – дыша ему прямо в затылок, а затем, когда он повернулся к двери кабины, быстро передвинулся и снова встал у него за спиной. Когда Хог вышел, я немного задержался в дверях, то ли выходя, то ли нет и задавая лифтеру дурацкие вопросы, Хог тем временем отошел на приличное расстояние. Когда я свернул за угол коридора, он как раз исчезал в двери тысяча триста десять. Он ни разу не заговорил со мной, он даже ни разу не видел моего лица – я в том абсолютно уверен.

Синтия заметно побледнела, но сказала только:

– Валяй дальше.

– Когда тудаходишь, там справа длинная такая стеклянная перегородка, а изнутри впри-
тык к ней стоят верстаки, или рабочие столы, или как их еще там. Можешь смотреть через стекло и наблюдать за работой ювелиров – хорошо придумано, отличная реклама. Хог нырнул направо и к тому времени, как я пошел по проходу, оказался уже по ту сторону стекла, без пиджака, в рабочем халате и с этой самой увеличительной хреновиной в глазу. Я прошел мимо – он так и не поднял глаза – к столу дежурного и попросил вызвать управляющего. Через какое-то время появился щуплый тип, нахохленный, как воробушек, и я спросил, работает ли здесь некий Джонатан Хог. Управляющий сказал «да» и спросил, не хочу ли я с ним погово-
рить. Я ответил, что нет необходимости, я всего лишь следователь страховой компании. Он захотел узнать, в чем дело, нет ли каких неприятностей, но я его успокоил, объяснил, что Хог хочет застраховать свою жизнь, а нам надо знать, как долго он здесь работает. Пять лет, сказал управляющий и добавил, что Хог у них – один из самых надежных и умелых работников. Я сказал, вот и прекрасно, и поинтересовался, потянет ли Хог страховой полис на десять тысяч. Он ответил «конечно» и сообщил, что они всегда рады, когда их работники вкладывают деньги в такое надежное дело, как страховой полис. Так я, собственно, и думал, когда вешал ему всю эту лапшу... По пути к двери я остановился напротив стола Хога и посмотрел на него через стекло. Через некоторое время он поднял голову, взглянул на меня и вернулся к своей работе. Я уверен, что он меня не узнал: на его лице ничего не отразилось. Клинический случай полной шизо, шизо... как это произносится?

– Шизофрения. Полное расщепление личности. Но послушай, Тедди...

– Да?

– И все-таки ты говорил с ним. Я же видела собственными глазами.

– Тише, киска, тише, не кипятись. Ты просто считаешь, что видела, а в действительности смотрела на каких-то совершенно других мужиков. А как далеко ты стояла?

– Не настолько далеко. Я была перед обувным магазином Бичема, после него идет ресторан «У Луи», а там и вход в «Акме». Ты стоял спиной к газетному киоску, лицом практически ко мне. Хог был ко мне спиной, но ошибиться было невозможно: когда вы с ним повернулись и направились в «Акме», я увидела его в профиль.

На лице Рэндалла выразилось отчаяние.

– Да не говорил я с ним. И шел не вместе с ним, а сзади, незаметно.

– Знаете, Эдвард Рэндалл, не надо мне рассказывать сказки. Верно, я потеряла вас с Хогом, но это еще не дает вам права измываться надо мной и выставять меня дурочкой.

Рэндалл был женат слишком давно и удачно, чтобы не обращать внимания на явные признаки опасности. Он встал, подошел к Синтии и обнял ее за плечи.

– Слушай, маленькая, – голос его звучал ласково и серьезно. – Я не устраиваю никаких шуток. Что-то у нас здесь перепуталось, но я рассказываю тебе все совершенно прямо, так, как я это помню.

Синтия всмотрелась в глаза Рэндаллу, а затем неожиданно чмокнула его.

– Ну ладно. Мы оба правы, хотя это и невозможно. Пошли.

– Пошли? Куда?

– На место преступления. Если не разобраться в этой истории, я, пожалуй, никогда больше не сумею заснуть.

Здание «Акме» оказалось, слава тебе господи, на том же месте, что и раньше. Равно как и обувной магазин, и ресторан «У Луи», и газетный киоск. Рэндалл встал на то место, где утром стояла его жена, и согласился, что с такого расстояния ошибиться можно было только в мертвецки пьяном виде. Однако он был по-прежнему уверен и в своей версии.

– А ты не опрокинула, случаем, по дороге пару стопарей? – спросил он с надеждой в голосе.

– Ни в коем разе.

– Ну и что же будем теперь делать?

– Не знаю. Да нет, слушай, я придумала! Ведь мы же покончили с Хогом. Ты его выследил, а больше ничего не требовалось.

– Ну да... а что?

– Проводи меня туда, где он работает. Я хочу спросить у его дневной личности, говорил он с тобой, выйдя из автобуса, или нет.

Рэндалл пожал плечами.

– Хорошо, лапа. Делай как знаешь.

Зайдя в вестибюль, они направились к свободному лифту. Щелкнул стартер, лифтер захлопнул двери и провозгласил свое обычное: «Этажи, пожалуйста».

Шестой, третий и девятый. Рэндалл подождал, пока обслужат других пассажиров, и только потом сказал: «Тринадцатый».

Лифтер недоуменно обернулся.

– Могу отвезти тебя, парень, на двенадцатый и на четырнадцатый, а пополам дели их сам.

– Чего?

– Нету у нас тринадцатого. А если бы был – никто не стал бы снимать там помещение.

– Что-то ты ошибаешься. Я был на тринадцатом сегодня утром.

По взгляду, которым лифтер одарил Рэндалла, было видно, что он с трудом сдерживается.

– Смотрите сами.

Секунда быстрого подъема, затем остановка.

– Двенадцатый.

Дальше кабина пошла медленнее. Число 12 уползло из поля зрения, а затем сменилось другим.

– Четырнадцатый. Ну и какой выберете?

– Извините, – несколько неуверенно выговорил Рэндалл. – Какая-то глупая ошибка. Я действительно был здесь утром и думал, что запомнил этаж.

– А может, восемнадцатый? – попытался прийти ему на помощь лифтер. – Восьмерку часто путают с тройкой. А кого вы ищете?

– «Детеридж и компания», это ювелирная фирма.

– Только не в нашем корпусе, – покачал головой лифтер. – Здесь нет никаких ювелиров и никаких Детериджей.

– Вы уверены?

Вместо ответа лифтер опустил кабину на десятый этаж.

– Попробуйте узнать в десять ноль-один. Там администрация корпуса.

Нет, у них нет съемщиков по фамилии Детеридж. Нет, у них нет ни ювелиров, ни даже торговцев ювелирными изделиями. Возможно, джентльмен перепутал и ему нужен корпус «Апекс», а не «Акме»? Рэндалл поблагодарил администратора и удалился, порядком ошарашенный.

Все это время Синтия хранила полное молчание. Теперь она заговорила:

– Слушай, Тедди...

– Да? Что тебе?

– Мы можем подняться на самый верх и обследовать все здание, этаж за этажом.

– Чего ради? Будь здесь эта фирма, в конторе здания знали бы об этом.

– А может, они знают, но не говорят. Во всей этой истории есть что-то очень сомнительное. В таком здании можно спрятать целый этаж, замаскировав его дверь под гладкую стену.

– Да нет, глупости. Просто у меня поехала крыша, вот и все. Отвела бы ты меня к психиатру.

– Никакие это не глупости, и головой ты пока не повредился. Чем отсчитывается высота в лифте? Этжами. Замаскируй этаж, чтобы его не было видно, и никто не догадается, что он вообще существует. Возможно, мы вышли на что-то очень крупное.

Синтия и сама не больно-то верила своим доводам, но понимала, что ее мужу необходимо сейчас чем-нибудь заняться.

Рэндалл начал было спорить, но затем сдержался.

– А как же лестницы? Уж с лестницы-то этаж не пропустишь.

– Не знаю, может, и с лестницами устроен какой-нибудь фокус. Вот мы и постараемся это выяснить. Пошли.

Однако никаких фокусов не было и в помине. Между двенадцатым и четырнадцатым этажами они насчитали восемнадцать ступенек – ровно столько же, как и между любыми двумя соседними этажами. Они прошли все здание сверху донизу и прочитали надпись на матовом стекле каждой двери. На это потребовалось довольно много времени. Синтия наотрез отвергла предложенный мужем вариант – разделить и каждому осматривать по половине этажа. Она не хотела ни на секунду терять его из виду.

И нигде ни тринадцатого этажа, ни двери с надписью «Детеридж и компания». И никаких ювелирных фирм, хотя бы и с другим названием. Даже простое чтение названий фирм на дверях требовало уйму времени; чтобы зайти под тем или иным предлогом в каждую фирму, не хватило бы и суток.

Рэндалл смотрел на дверь с надписью «Прайд, Гринвей, Гамильтон, Стейнболт, Картер и Гринвей, адвокаты».

– За это время, – задумчиво сказал он, – надпись на двери могли и поменять.

– Только уж не на этой, – указала на адвокатскую контору Синтия. – Да и вообще, если это было декорацией, они могли изменить все подчистую, до неузнаваемости.

Однако, невзирая на уверенный тон, она с растущим сомнением смотрела на невинно выглядевшую надпись. При всей своей доступности административное здание – место удивительно скрытное. Звукоизолирующие стены, плотные жалюзи и ничего не говорящие названия фирм. В таком месте может произойти что угодно, в самом буквальном смысле что угодно. И никто не узнает. И никто не поинтересуется. Никто даже ничего и не заметит. Никаких полицейских, обходящих свой участок; соседи, расстояние до которых – толщина стенки, могли бы с тем же успехом находиться на Луне, даже уборщица не зайдет, если съемщик этого не хочет. Администрация заинтересуется арендатором в одном-единственном случае: если тот не внесет арендную плату в срок. Можете совершать любые преступления по своему вкусу и набивать шкафы широким ассортиментом трупов.

Синтия зябко поежилась.

– Пошли дальше, Тедди. Надо спешить.

Осмотрев остаток здания быстро, как только могли, они вернулись в вестибюль. Вид человеческих лиц и солнечный свет несколько успокоили Синтию, хотя загадочной фирмы так нигде и не было. Остановившись на ступеньке, Рэндалл растерянно огляделся.

– Как ты думаешь, а может, мы и вправду были в другом здании? – спросил он с сомнением в голосе.

– Ни в коем разе. Видишь этот табачный киоск? Я знаю каждое мушиное пятнышко на его витрине.

– Тогда где же решение?

– Решением будет ланч. Пошли.

– Хорошо, только я, пожалуй, перейду на жидкую диету.

Синтия кое-как заставила мужа закусить третий бокал «виски-сауэр» тарелкой гуляша из говяжьей тушенки. Выпив в довершение две чашки кофе, он оказался трезвым как стеклышко и еще более несчастным, чем прежде.

– Син...

– Да, Тедди?

– Так что же это со мной случилось?

– Я думаю, – медленно ответила Синтия, – что мы стали жертвами великолепного, высокопрофессионального гипноза.

– Вот и я так думаю теперь. Или это, или у меня и вправду крыша поехала. Так что пусть будет гипноз. Хотелось бы только знать: для чего это все?

Синтия рассеянно водила вилкой по тарелке.

– А вот я не уверена, что мне хочется знать. Знаешь, Тедди, что мне хочется сделать?

– Что?

– Отослать мистеру Хогу эти пять сотен с запиской, что мы не можем ему помочь и поэтому возвращаем деньги.

Рэндалл явно был поражен.

– Вернуть? Деньги? Силы небесные!

По лицу Синтии можно было подумать, что ее поймали на совершенно непристойном предложении, однако она не отступала.

– Знаю, знаю. И все равно мне хотелось бы так сделать. Мы можем заработать на хлеб бракоразводными делами и поисками беглых должников, так что совсем не обязательно связываться с сомнительными историями.

– Ты рассуждаешь так, словно пять сотен – это ерунда, вроде чаевых официанту.

– Нет, я так не рассуждаю. Просто мне кажется, что не стоит рисковать шеей или здравым рассудком даже ради такой суммы. Слушай, Тедди, кто-то из всех сил старается загнать нас в угол. Прежде всего я хочу узнать, зачем ему это.

– Вот и я хочу узнать зачем. Именно поэтому мне и не хочется бросать это дело. Какого черта, я не привык, чтобы со мной играли такие шутки. Мне это не нравится.

– Что ты скажешь мистеру Хогу?

Рэндалл поворошил рукой волосы, и без того, впрочем, взъерошенные.

– Не знаю. Может, ты с ним поговоришь? Наплети там чего-нибудь.

– Прекрасная мысль. Просто великолепная мысль. Я скажу, что ты сломал ногу, но к завтрашнему дню обязательно поправишься.

– Не надо так, Син. Я же знаю, что ты справишься.

– Хорошо. Только ты обещаешь мне одну вещь.

– Какую вещь?

– Во время этого расследования мы все и всегда делаем вместе.

- Так мы же всегда так.
- Я имею в виду буквально вместе. Я не хочу терять тебя из виду ни на секунду.
- Послушай, Син, это же может оказаться неудобным.
- Обещай.
- Хорошо, хорошо. Обещаю.
- Вот так-то лучше.
- Теперь Синтия немного успокоилась и выглядела почти умиротворенной.
- Не вернуться ли нам в контору?
- Ну ее к черту. Пошли лучше в кино, на тройной сеанс.
- Согласна, Мозговой Центр. – Она взяла перчатки и сумочку.

Фильмы не доставили Рэндаллу удовольствия, а ведь программа состояла из сплошных вестернов, предмета нежной его любви. Но сейчас отважный герой казался таким же бандитом, как и главный злодей, а таинственные всадники в масках не вызывали приступа энтузиазма, а просто пугали. Из головы не шел тринадцатый этаж здания «Акме», длинная стеклянная перегородка и склонившиеся над своим трудом мастера, маленький иссохший управляющий «Детериджа и компании». Кой бес – неужели можно загипнотизировать человека так, что он во все поверит и будет вспоминать такие подробности?

Синтия почти не смотрела на экран. Все ее внимание занимали окружающие. Она поймала себя на том, что осторожно изучает их лица каждый раз, когда в зале зажигается свет. Если, даже развлекаясь, эти люди выглядят подобным образом, на что же они похожи в несчастье? В лучшем случае на лица читалась героическая решимость ни на что не жаловаться, исключений почти не было. Неудовлетворенность, зловещие следы перенесенной физической боли, одиночество, разочарование, тупая озлобленность – всего этого было в достатке, и очень, очень редко мелькали веселые лица. Даже Тедди, одним из главных достоинств которого была неискоренимая жизнерадостность, выглядел крайне кисло, и, надо признать, не без причин. Интересно, а какие причины сделали несчастными всех остальных?

Синтия вспомнила картину – она где-то ее видела, – называвшуюся «Подземка». Художник изобразил дверь вагона подземки и толпу, вываливающуюся на перрон. Одновременно другая толпа пытается прорваться внутрь вагона. Было видно, что все они – и входящие, и выходящие – очень спешат, но удовольствия от этого не получают. Красота отсутствовала в картине напрочь, было ясно, что единственная цель, двигавшая кистью художника, – едкая критика современного образа жизни.

Синтия почувствовала большое облегчение, когда фильмы окончились и они с Рэндаллом сменили тесноту зала на относительную свободу улицы. Рэндалл остановил такси и дал шоферу свой адрес.

- Тедди...
- Да?
- Ты не обратил внимания, какие были лица у людей, сидевших в кино?
- Да нет, я как-то не смотрел. А что?
- Ни про одного из этих людей не скажешь, что жизнь доставляет ему удовольствие.
- А может, она и не доставляет ему удовольствия.
- Но почему не доставляет? Слушай, ведь мы-то живем весело?
- Это уж точно.
- Мы всегда жили весело. Даже когда у нас не было ни цента и мы только пытались организовать свое дело – даже и тогда нам было весело. Мы ложились в постель улыбаясь и вставали счастливыми. У нас с тобой и до сих пор так. В чем тут дело?

Рэндалл улыбнулся, в первый раз после неудачных розысков тринадцатого этажа, и ущипнул жену.

– А дело в том, лапа, что мне весело с тобой.

– Благодарствую. И вам того же самого по тому же месту. Знаешь, когда я была маленькой, у меня появилась странная мысль.

– Чего ты замолчала? Колись.

– У меня самой было счастья – целый вагон. Но вот я стала подрастать и замечать, что у мамы его нет. И у папы тоже. Мои учителя, да и почти все окружающие взрослые, – все они не были счастливыми. Вот мне и влезло в голову, что я тоже вырасту и узнаю что-то такое, после чего никогда больше не буду счастливой. Ты же знаешь, как принято говорить с детьми: «Ты еще маленькая и ничего не понимаешь», или: «Вот подрастешь, тогда и поймешь». Я задавалась вопросом, что же это за секрет такой они от меня скрывают; иногда я подслушивала за дверью и пыталась это выяснить.

– Прирожденный сыщик.

– Чушь. Но я отлично видела: в чем бы там ни состоял этот секрет, он не дает взрослым счастья, наоборот, он делает их печальными. Вот я и стала молиться, чтобы никогда не узнать этого секрета. – Синтия слегка пожала плечами. – Наверное, я так его и не узнала.

– И я тоже, – хмыкнул Рэндалл. – Я – профессиональный Питер Пэн. И это ничуть не хуже, чем иметь здравый смысл.

– А ты не смейся, Тедди.

Маленькая, обтянутая перчаткой рука легла на запястье Рэндалла.

– Вот это и пугает меня в истории с Хогом: я боюсь, что, продолжая ею заниматься, мы и вправду узнаем то, что знают взрослые. И навсегда перестанем смеяться.

Рэндалл хотел рассмеяться, но затем повернулся к жене и пристально на нее посмотрел.

– Ты это что, серьезно? – Кончиками пальцев он слегка приподнял ее подбородок. – Тебе все-таки нужно хоть чуть повзрослеть. А обоим нам нужен ужин – и хорошая выпивка.

4

После ужина, едва Синтия начала собираться с мыслями, что же в самом деле сказать мистеру Хогу, как эти нелегкие раздумья прервал входной звонок. Подойдя к двери, она взяла трубку домофона.

– Да?

Буквально через долю секунды она повернулась к мужу и беззвучно, одними губами проговорила:

– Это мистер Хог.

Брови Рэндалла приподнялись. Предостерегающим жестом приложив палец к губам, он с преувеличенной осторожностью, на цыпочках, двинулся к спальне.

Синтия понимающе кивнула.

– Секунду, пожалуйста. Вот так, так вроде лучше. У нас тут что-то аппарат барахлит. Кто это, повторите, пожалуйста. А... мистер Хог. Заходите, мистер Хог.

Нажав на кнопку электрического замка, она открыла дверь подъезда.

Было видно, что Хог чем-то очень возбужден. Прямо с порога он начал быстро, нервно сыпать словами:

– Хотелось бы надеяться, что вы не сочтете мое вторжение бестактным, но я попал в такую неприятную ситуацию, что просто не мог ждать вашего сообщения.

Сесть Синтия ему не предложила.

– К сожалению, я должна вас разочаровать.

В ее приветливом голосе слышались нотки искреннего сочувствия.

– Мистер Рэндалл еще не вернулся.

– О!

Огорченный Хог выглядел настолько жалким, что на мгновение Синтия и вправду почувствовала к нему симпатию, однако, вспомнив, через что прошел сегодня ее муж, она снова заledenела.

– А вы не знаете, – продолжал непрошенный гость, – когда он будет дома?

– Трудно сказать. Жена детектива, мистер Хог, быстро отвыкает смотреть на часы и ждать мужа.

– Да, понимаю. Ну что, тогда, пожалуй, я не стану больше обременять вас своим присутствием. Но мне очень нужно с ним поговорить.

– Я передам ему. А вы хотели сообщить что-нибудь конкретное? Какие-нибудь новые данные?

– Нет.

Было видно, что Хог в нерешительности.

– Пожалуй, нет... Все это выглядит исключительно глупо!

– Что выглядит глупо, мистер Хог?

– Да как вам сказать... – Хог с надеждой посмотрел ей в глаза. – Миссис Рэндалл, а вот вы верите в одержимость?

– Одержимость?

– Одержимость человеческих душ – дьяволом.

– Знаете, я как-то об этом никогда не задумывалась.

Сейчас Синтия отвечала осторожно, тщательно подбирая слова. Интересно, слышит ли все это Тедди? И как быстро прибежит он на крик?

Путающимися пальцами Хог делал что-то непонятное со своей рубашкой. Вот он растегнул верхнюю пуговицу, пахнуло чем-то едким, неприятным, затем в руках у него оказалось что-то странное, что-то висевшее под рубашкой на шнурке.

Только сделав над собой большое усилие, Синтия взгляделась в непонятную вещь и поняла, к величайшему своему облегчению, что это просто ожерелье из головок чеснока.

– Зачем вы это носите?

– Очень глупо, правда? – обреченно признал Хог. – Никогда бы не поверил, что поддамся таким дурацким суевериям, но сейчас это как-то успокаивает. У меня появилось совершенно жуткое ощущение, что за мной следят...

– Естественно. Ведь мы... то есть мистер Рэндалл следил за вами по вашей же просьбе...

– Я не про это. Человек в зеркале...

Хог не закончил фразу.

– Человек в зеркале?

– Понимаете, когда смотришь в зеркало, отражение всегда смотрит на тебя, но это естественно и ничуть не беспокоит. А тут – нечто совсем иное, неприятное, словно кто-то пытается добраться до меня и только ждет удобного случая. Вы, наверное, считаете меня сумасшедшим? – несколько неожиданно закончил он.

Синтия слушала гостя вполуха, ее внимание привлекла рука, сжимавшая чесночное ожерелье. Кончики пальцев Хога были испещрены дугами, петлями и завитками точно так же, как и у любого другого человека, и никакого коллодия на них нет, это уж точно. Неплохо бы получить отпечатки пальцев странного клиента.

– Нет, я не считаю вас сумасшедшим.

Сейчас ее голос звучал успокаивающе, словно при разговоре с капризным ребенком.

– Только вы слишком много тревожитесь. Расслабьтесь, успокойтесь. Вы не хотели бы что-нибудь выпить?

– стакан воды, если это вас не затруднит.

Хоть вода, хоть виски, главное – стакан. Выйдя на кухню, Синтия взяла с полки высокий стакан с гладкой, без каких-либо узоров, поверхностью. Аккуратно протерев стакан, она с той же аккуратностью – чтобы не замочить стенки снаружи – налила в него воду, положила лед и отнесла гостю, осторожно держа за доньшко.

Однако замыслу ее не суждено было осуществиться. Хог стоял перед зеркалом, судя по всему поправляя галстук и вообще приводя себя в порядок после возвращения на место чесночного ожерелья. Когда гость повернулся к вошедшей в комнату хозяйке дома, оказалось, что он – намеренно или ненамеренно – уже надел перчатки.

В надежде, что он снова их снимет, Синтия предложила Хогу присесть, но тот вежливо отказался.

– Нет, нет, я и так отнял у вас слишком много времени.

Выпив полстакана воды, он поблагодарил ее, попрощался и удалился.

– Ушел он? – появился в двери Рэндалл.

– Да, ушел, – повернулась Синтия. – Знаешь, Тедди, делал бы ты сам свою грязную работу. У меня от него мурашки по всему телу. Я же чуть не заорала, хотела уже звать тебя на помощь.

– Спокойнее, мать, спокойнее.

– Все это очень хорошо, но только лучше бы нам никогда его не видеть.

Подойдя к окну, Синтия распахнула его настежь.

– Слишком поздно, мы уже влезли в это дело с головой.

Глаза Рэндалла остановились на стакане.

– Слушай, ты что, взяла его отпечатки?

– Ничего не вышло, наверное, он прочитал мои мысли.

– Жаль.

– Ну и что же ты намерен делать дальше?

– Есть у меня одна мысль, но надо еще подумать. А что это он такое наплел про чертей и человека в зеркале, который за ним следит?

– Он говорил совсем не так.

– Наверное, я и есть тот самый человек. Сегодня утром я следил за ним при помощи зеркала.

– Он говорил не буквально, а в переносном смысле. Психует он, дергается.

Синтия резко повернулась, ей почудилось сзади какое-то движение. Однако там все было спокойно: мебель, стена – и больше ничего. Наверное, просто отражение в зеркале.

– Вот и я начинаю дергаться, – добавила она. – А что касается чертей, то какие мне еще черти после него самого. Знаешь, чего бы я хотела?

– Чего?

– Хорошую дозу чего-нибудь покрепче и лечь пораньше.

– Мысль здравая.

Выйдя на кухню, Рэндалл начал смешивать заказанное женой лекарство.

– А бутерброд надо?

Когда Рэндалл пришел в себя, он обнаружил, что стоит, одетый в пижаму, в гостиной перед висящим рядом с входной дверью зеркалом. Его отражение – нет, какое там отражение, изображение в зеркале было вполне пристойно облачено в несколько консервативного вида костюм, приличествующий серьезному деловому человеку, – изображение обратилось к нему:

– Эдвард Рэндалл.

– А?

– Эдвард Рэндалл, вас вызывают. Вот, возьмитесь за мою руку. Пододвиньте стул, тогда пролезть будет совсем легко, сами увидите.

Почему-то такой способ действий показался вполне естественным, более того – единственно возможным. Рэндалл поставил перед зеркалом стул, взял предложенную ему руку и пролез сквозь зеркало. На другой стороне под зеркалом оказалась раковина, с ее помощью Рэндалл легко опустился на пол. Он и его спутник находились в маленькой, выложенной белым кафелем туалетной комнате – такие часто встречаются в конторах.

– Быстрее, – поторопил его спутник. – Все остальные уже собрались.

– Кто вы такой?

– Моя фамилия Фиппис, – слегка поклонился Рэндаллу его компаньон. – Сюда, пожалуйста.

Открыв дверь туалета, он несильно подтолкнул Рэндалла. Зал, в котором они оказались, явно предназначался для заседаний совета некой фирмы. В настоящий момент как раз и происходило одно из таких заседаний: за длинным столом сидело около дюжины человек. Все эти люди смотрели на Рэндалла.

– Алле-гоп, мистер Рэндалл!

Еще один толчок – на этот раз не такой уж нежный, – и он сидит в самом центре полированного стола. Сквозь тонкую ткань пижамы явственно ощущался холод гладкой, жесткой столешницы.

Не в силах совладать с охватившим его ознобом, Рэндалл покрепче закутался в пижамную куртку.

– Кончайте эти штучки, – сказал он. – Дайте мне слезть отсюда.

Попытавшись встать, он сразу убедился, что не способен даже на такое несложное действие.

Сзади кто-то невидимый коротко хохотнул.

– Не слишком-то он упитан, – сказал кто-то издевательским голосом.

– Для данного дела это не важно, – ответил другой голос.

Рэндалл начал узнавать ситуацию. Без штанов на Мичиганском бульваре – так, кажется, это было в последний раз. А сколько раз он попадал в детство, в школу, и не только в раздетом виде, но еще и с неприготовленными уроками. А для полного комплекта – безнадежно опаздывал к началу занятий. Ну что ж, тогда понятно, что надо делать: закрыть глаза, натянуть на себя одеяло, а потом проснуться в уюте и безопасности собственной постели. Он закрыл глаза.

– Прятаться бессмысленно, мистер Рэндалл. Все равно мы вас видим, так что напрасная трата времени.

Рэндалл открыл глаза.

– Что вы тут придумали? – спросил он с яростью в голосе. – Где я? Зачем вы меня сюда притащили? Что тут происходит?

Заседание возглавлял сидевший напротив Рэндалла человек весьма внушительной внешности. Его высокий – не меньше ста восьмидесяти пяти сантиметров – рост дополнялся широкими плечами и крепким телосложением. Толстый слой жира обильно облегал этот огромный костяк. Однако кисти рук его были тонкими, изящными и великолепно ухоженными, а черты лица, и так не очень крупные, казались еще миниатюрнее в обрамлении жирных щек и многочисленных складок на шее. Маленькие глазки весело шурились, рот непрестанно складывался в улыбку. Кроме того, он обладал забавной привычкой выпячивать плотно сложенные губы.

– Не все сразу, не все сразу, мистер Рэндалл, – весело ответил председательствующий. – На один ваш вопрос могу ответить: это тринадцатый этаж здания «Акме», да вы же помните.

Он слегка хохотнул, словно при понятной им обоим шутке.

– Что здесь происходит? Здесь происходит собрание совета управляющих фирмы «Детеридж и компания», а я ваш, сэр, покорный слуга, – тут он сумел, оставаясь сидеть и несмотря на огромное свое брюхо, изобразить нечто вроде поклона, – возглавляю этот совет и ношу имя Р. Джефферсон Стоулз.

– Но...

– Пожалуйста, мистер Рэндалл. Сперва я должен представить вам всех присутствующих. Направо от меня мистер Таунсенд.

– Рад познакомиться, мистер Рэндалл.

– Рад познакомиться, – автоматически ответил Рэндалл. – Послушайте, все это заходит слишком...

– Затем мистер Грэйвзби, мистер Уэллс, мистер Йокам, мистер Прентан, мистер Джоунс. С мистером Фипсом вы уже знакомы, он наш секретарь. Далее сидят мистер Райфснайдер и мистер Снайдер – они не состоят в родстве. Последние – мистер Паркер и мистер Круз. Должен с сожалением сообщить вам, что мистер Потифар не смог сегодня явиться на собрание, однако кворум у нас есть.

Рэндалл еще раз попробовал встать, однако крышка стола оказалась прямо-таки невероятно скользкой.

– А мне по фигу, – с ненавистью сказал он, – кворум у вас тут или бандитская разборка. Отпустите меня.

– Ну, ну, мистер Рэндалл. Неужели вы не хотите получить ответы на свои вопросы?

– Не настолько. Да какого черта, дайте мне...

– Однако на эти вопросы необходимо ответить. Совершенно необходимо. Это – деловое совещание, а обсуждаемой деловой проблемой являетесь именно вы.

– Я?

– Да, вы. Вы представляете собой, как бы это выразиться, не очень значительный раздел повестки дня, однако и по этому разделу нужна полная ясность. Нам не нравится ваша деятельность, мистер Рэндалл. Вы должны ее прекратить.

Прежде чем Рэндалл успел ответить, Стоулз остановил его жестом руки.

– Не нужно никакой поспешности, мистер Рэндалл. Выслушайте меня. Я совсем не имел в виду всю вашу деятельность. Нам совершенно безразлично, сколько блондинок вы подсунете в гостиничные номера для дальнейшего использования в качестве послушных свидетельниц на бракоразводных процессах. В равной степени нас не интересует, ко скольким телефонным линиям вы подключитесь и сколько писем вскрыете. Нас занимает одна-единственная часть вашей деятельности. Я имею в виду мистера Хога.

Последнее слово прозвучало как плевок.

Все присутствующие как-то неловко зашевелились, Рэндалл почувствовал это совершенно отчетливо.

– Так что же насчет мистера Хога? – спросил он вызывающе.

Шевеление повторилось. Стоулз больше не улыбался и даже не изображал улыбку.

– Давайте, – сказал он, – начиная с этого момента, употреблять термин «ваш клиент». Все очень просто, мистер Рэндалл. У нас имеются свои планы в отношении мистера... в отношении вашего клиента. Вы должны прекратить всякие с ним отношения – забыть о нем, никогда с ним не встречаться.

Сейчас взгляд Стоулза стал тяжелым, но Рэндалл не дрогнул и не отвел глаз.

– В жизни своей не динамил клиентов и впредь не собираюсь. Да я скорее в аду вас увижу.

– Готов согласиться, – выпятил губы Стоулз, – что не исключена и такая возможность, однако вряд ли вам или мне хочется рассматривать ее иначе, чем излишне живописную метафору. Попробуем быть разумными. Ведь вы, насколько мне известно, разумный человек, а я и мои собратья – тоже существа разумные. Поэтому я не стану пытаться вас уговорить, подкупить или принудить, я просто расскажу вам некую историю, из которой вы сами все поймете.

– Я не хочу слушать никаких историй. Я ухожу.

– Уходите? Сильно сомневаюсь. И вы будете слушать!

Стоулз ткнул пальцем в сторону Рэндалла. Рэндалл попробовал что-нибудь ответить, однако оказалось, что теперь он не может даже этого.

«Это, – подумал сыщик, – самый дурацкий из всех моих бесштаных снов. Ведь знал же, что не надо наедаться перед сном».

– Вначале, – провозгласил Стоулз, – была Птица.

Неожиданно он закрыл лицо ладонями, все остальные присутствующие сделали то же самое.

Птица. Рэндалл неожиданно увидел, что скрывается за таким простым словом, когда его произносит этот отвратительный толстяк, – не мягкий пушистый цыпленок, а хищная птица, мощная и прожорливая... немигающие глаза, тускло-серые, как снятое молоко, и пристальные... налитые кровью сережки... но особенно отчетливо он увидел лапы, огромные птичьи лапы, костлявые, когтистые, покрытые желтыми чешуйками и какой-то отвратительной грязью. Ужасные и непристойные...

Стоулз убрал ладони от лица.

– Птица была одинока. Ее огромные крылья мерно взбивали бескрайние глубины пространства, где не на чем было остановить взгляд. Но в Ее глубинах была Сила, и Сила была Жизнью. Птица посмотрела на север, где не было севера, и Она посмотрела на юг, где не было юга. Она посмотрела на восток и запад, вверх и вниз. А затем из ничего и из своей Воли Она свила Гнездо.

Гнездо было широким, глубоким и крепким. В это гнездо Она положила сто яиц. Она сидела в гнезде десять тысяч лет, высиживая яйца и размышляя. Когда время пришло, Она покинула гнездо и повесила вокруг него светильники, дабы птенцы могли видеть. Она смотрела, и Она ждала.

Из каждого яйца вылупились сто Сынов Птицы – общим числом в десять тысяч. Но столь широким и столь глубоким было это гнездо, что места хватило всем, и с избытком, – каждому по царству, и каждый был царь – царь надо всеми существами, которые ползают и плавают, летают и бегают на четырех ногах, над существами, рожденными в щелях и закоулках гнезда, рожденными из тепла и ожидания.

Мудра и жестока была Птица, мудры и жестоки были Сыны Птицы. Два раза по десять тысяч лет они сражались и царствовали, и Птица была довольна. Затем некоторые из них решили, что они столь же мудры и столь же могущественны, как сама Птица. Из ткани гнезда они сотворили тварей, подобных себе самим, идохнули им в ноздри, дабы иметь своих сыновей, которые станут служить им и сражаться за них. Но сыновья Сынов не были мудрыми, не были сильными и жестокими, а были глупыми, слабыми и мягкотелыми. Птица не была довольна.

Она низринула своих Сынов и позволила, чтобы их сковали глупые и мягкотелые... Перестаньте крутиться, мистер Рэндалл! Я знаю, что это слишком огромно для вашего маленького умишка, однако, вы уж мне поверьте, сейчас вам просто необходимо задуматься над вещами, которые длиннее вашего носа и шире вашего рта.

Глупые и слабые не могли сдерживать Сынов Птицы, поэтому Птица поместила среди них, в разных местах, других, более сильных, более умных и более жестоких, дабы хитростью своей, жестокостью своей и обманом они не дали Сынам вырваться на свободу. Потом Птица удалась, довольная, и стала ждать и смотреть, как разворачивается игра.

Игра идет и сейчас. А посему мы не можем позволить вам общаться с вашим клиентом, равно как и помогать ему каким-либо образом. Теперь вы видите сами, не правда ли?

– А ни хрена я не вижу, – закричал Рэндалл, почувствовавший вдруг, что снова может говорить. – И к чертовой матери всю вашу гошу! Эта шутка зашла слишком далеко.

– Неразумный, слабый и глупый, – вздохнул Стоулз. – Покажите ему, мистер Фиппс.

Фиппс встал, положил на стол портфель, открыл его, вытащил оттуда какой-то предмет и сунул его Рэндаллу под нос. Предмет оказался зеркалом.

– Посмотрите, пожалуйста, сюда, мистер Рэндалл, – вежливо попросил Фиппс.

Рэндалл посмотрел на свое отражение в зеркале.

– О чем вы думаете, мистер Рэндалл?

Отражение потускнело и исчезло, теперь он смотрел в собственную спальню, но со странной точки зрения, словно немного сверху. В спальне было темно, однако он вполне мог различить голову жены, лежащую на подушке. Вторая подушка – его собственная – пустовала.

Синтия пошевелилась, повернулась и негромко вздохнула. Приоткрытые губы слегка улыбались, наверно, ей снилось что-то хорошее.

– Видите, мистер Рэндалл? – прервал молчание Стоулз. – Ведь вы не хотите, чтобы с ней что-нибудь случилось?

– Послушай, ты, грязный ублюдок...

– Спокойнее, мистер Рэндалл, спокойнее. Так вот, мы не хотим от вас ничего особенного. Просто не забывайте о своих интересах и о ее интересах. – Стоулз отвернулся от Рэндалла, словно от чего-то безмерно скучного. – Удалите его, мистер Фиппс.

– Идемте, мистер Рэндалл.

И снова Рэндалл ощутил унижительный толчок сзади, а затем оказалось, что он летит по воздуху, а все окружающее кувыркается, вертится, рассыпается на мелкие куски...

Совершенно проснувшийся, он лежал в своей собственной постели на спине, покрытый холодным, липким потом.

Синтия пошевелилась и села.

– Что с тобой, Тедди? – спросила она сонно. – Ты так страшно кричал.

– Ерунда. Сон какой-нибудь, наверное. Прости, что я тебя разбудил.

– Ничего. Желудок не в порядке?

– Да, есть немного.

– Выпей соды.

– Сейчас.

Рэндалл встал, вышел на кухню, разболтал щепотку соды в воде и выпил. Теперь, полностью проснувшись, он чувствовал неприятное жжение во рту, сода немного помогла.

Когда он вернулся в спальню, Синтия уже спала. Он тихо скользнул под одеяло. Не просыпаясь, она прижалась к мужу, согревая его своим телом. Вскоре заснул и он.

– Ла-диди-да! Все не беда! – Оборвав песню на полуслове, Рэндалл слегка ослабил душ, чтобы не заглушать нормальный разговор. – Доброе утро, красавица!

Появившаяся в дверях ванной Синтия терла рукой один глаз и сонно глядела на мужа другим.

– Всем людям, поющим на голодный желудок, доброе утро.

– А чего мне не петь? Сегодня прекрасный день, я прекрасно выспался. И я сочинил новую прекрасную душевую песню. Ты только послушай.

– Могу и обойтись.

– Эта песня, – продолжал Рэндалл, нимало не возмущившись, – посвящается Юноше, Который Вознамерился Питаться Червями Из Огорода.

– Какая гадость!

– Никакая это не гадость. Слушай.

Включив душ посильнее, он объяснил:

– Для достижения максимального эффекта необходим аккомпанемент льющейся воды.

Куплет первый:

Я червей призову, и они приползут.
Не желаю в грязи я копать.
Мне пускай создадут и комфорт, и уют,
Раз уж должен я дрянью питаться.

Он сделал паузу, ожидая, видимо, аплодисментов, а затем объявил:

– Припев.

Ла-диди-да! Все не беда!
Я червяков приглашаю сюда!
Они вкусны весьма с витамином А.
Я люблю червяков, я от них без ума!

Тут он снова помолчал и объявил:

– Второй куплет. Только второй куплет я еще не сочинил. Повторить первый?

– Спасибо, не надо. Лучше вылезай скорее и дай мне возможность помыться.

– Тебе не понравилось, – укоризненно сказал Рэндалл.

– Я этого не говорила.

– Настоящее искусство редко получает признание, – скорбно возгласил он, однако из душа вышел.

К тому времени как Синтия умылась, кофе был уже готов. Рэндалл церемонно вручил ей стакан апельсинового сока.

– Тедди, ты просто душка. И что же ты намерен выцыганить у меня всем этим подлизыванием?

– Тебя самое. Правда, попозже. А ведь я не только очарователен, но и умен.

– Правда?

– Ага. Слушай, я придумал, что делать с общим нашим другом Хогом.

– С Хогом? О господи.

– Осторожнее, разольешь.

Забрав у жены стакан, он поставил его на стол.

– Успокойся, киска. Что это с тобой?

– Не знаю, Тедди. Просто у меня ощущение, словно мы вооружились детским пугачом и пытаемся при его помощи победить самого главного злодея.

– Не надо было мне начинать деловые разговоры до завтрака. Выпей ты кофе, может, полегчает.

– Хорошо. А тоста мне не надо. Так что же у тебя там за блестящая идея?

– Все очень просто, – объяснил Рэндалл, хрустя поджаренным хлебом. – Вчера мы старались не попасться Хогу на глаза, чтобы он, часом, не вернулся в вечернюю свою личность.

– Вот-вот.

– Ну а сегодня нам этого совсем не потребуется. Мы можем прицепиться к нему, как пиявки, идти за ним по пятам. Если это как-нибудь помешает дневной половине его личности – ну и что? Ведь мы можем сами показать ему дорогу в «Акме». А там привычка приведет его туда, куда он ходит всегда. Ну как, все верно?

– Не знаю, Тедди. Возможно. Люди, перенесшие амнезию, ведут себя иногда очень странно. Он может просто прийти в смятение, утратить ориентацию.

– Так ты думаешь, не получится?

– Может, получится, может, и нет. Но пока в твой план входит быть всюду и все время вместе со мной, я согласна попробовать, хотя лучше бы бросить это дело.

Рэндалл словно не обратил внимания на поставленное женой условие.

– Вот и отлично. Сейчас я позвоню этому старому сычу и скажу, что мы зайдем за ним прямо в его квартиру.

Потянувшись через стол, он подвинул к себе телефон и позвонил Хогу.

– Ну точно, он с приветом, – сказал Рэндалл после короткого разговора с клиентом. – Сперва он вообще меня не узнал. Затем вроде как в его голове что-то щелкнуло, и дальше все пошло нормально. Ты готова, Син?

– Одну секунду.

Тихо насвистывая какой-то мотив, он встал и направился в гостиную.

Неожиданно свист прекратился, Рэндалл чуть не бегом вернулся на кухню.

– Син...

– Что там такое, Тедди?

– Пойди, пожалуйста, сюда.

Встревоженная выражением на лице мужа, Синтия торопливо встала и прошла в гостиную. Рэндалл указывал на стул, поставленный прямо под висящим рядом со входной дверью зеркалом.

– Как он попал сюда, Син?

– Стул? Да это я поставила его сюда, чтобы поправить зеркало, вечером, когда ложилась спать. Ну и забыла его там, наверное.

– Мм... ну, наверное, так и было. Странно только, что я не заметил его, когда гасил свет.

– А почему это тебя так встревожило? Ты испугался, что к нам в квартиру ночью кто-то залез?

– Да. Да, конечно, так я и решил.

Однако выражение тревоги не покинуло лица Рэндалла.

Недоуменно поглядев на него, Синтия прошла в спальню. Здесь она взяла свою сумочку, быстро просмотрела ее содержимое, а затем выдвинула маленький потайной ящик комода.

– Если кто-нибудь и вправду залез к нам, он не многим разжился. Посмотри свой бумажник. Все на месте? А твои часы?

– Все в порядке, – ответил Рэндалл через несколько секунд. – Наверное, ты и вправду забыла там стул, а я его не заметил. Так ты готова?

– Сию секунду.

Больше Рэндалл об этом не говорил, размышляя про себя, какая же каша может получиться из нескольких застрявших в подсознании воспоминаний в сочетании с плотным ужином. Наверное, он все-таки заметил этот стул, когда гасил свет, – отсюда и появление стула в кошмаре. Поставив, таким образом, все на место, он начал обдумывать грядущую операцию.

5

Хог ждал их.

– Заходите, пожалуйста. Добро пожаловать, мадам, в мое скромное прибежище. Вы не откажетесь присесть? У вас найдется время на чашку чая? Боюсь, – на его лице появилась смущенная улыбка, – что кофе в этом доме нет.

– Времени достаточно, – успокоил гостеприимного хозяина Рэндалл. – Вчера вы вышли из дому в восемь пятьдесят три, а сейчас еще только восемь тридцать пять. Думаю, лучше всего будет выйти в то же самое время.

– Вот и чудесно.

Хог исчез из комнаты и сразу же вернулся с чайным подносом, каковой и водрузил на стол рядом с Синтией.

– Вы разольете, миссис Рэндалл? Это китайский чай, – добавил он. – Моя собственная смесь.

– С удовольствием.

Сейчас, утром, в этом человеке нет ровно ничего зловещего, вынуждена была признать Синтия. Просто маленький, суетливый холостяк, обладатель усталых морщинок около глаз и прямо-таки великолепной квартиры. На стенах картины, хорошие, хотя понять, насколько хорошие, Синтии не хватало знаний. Во всяком случае, похожи на оригинальные работы. «И картин этих не слишком много, – отметила она с одобрением. – А то такие вот склонные к искусству холостяки зачастую любят загромождать свои квартиры почище иной старой девы».

Вот уж про квартиру мистера Хога такого не скажешь. Во всем воздушное изящество, словно в вальсах Брамса. Синтии хотелось спросить, где он взял такие шторы.

Хог с поклоном принял у нее чашку, нежно обхватил ее ладонью и, прежде чем сделать глоток, вдохнул аромат. Затем он повернулся к Рэндаллу.

– Боюсь, сэр, что у нас сегодня ровно ничего не получится.

– Не исключено. Но почему вы так думаете?

– Понимаете ли, я сейчас нахожусь в полной растерянности: что мне делать дальше? Ваш телефонный звонок... Когда вы мне позвонили, я готовил себе чай – ведь у меня нет служанки... правду говоря, по утрам я словно в тумане – ну, вы понимаете, рассеянный, делаю все, что полагается делать, встав с постели, умываюсь и все прочее, а мысли мои где-то в другом месте. Когда вы позвонили, я был немного ошарашен и только через несколько секунд вспомнил, кто вы такой и какие дела у нас друг с другом. Разговор с вами в некотором роде прочистил мою голову, я, если можно так сказать, осознал, кто я такой, однако теперь... – Он беспомощно пожал плечами. – Теперь у меня нет ни малейшего представления, что же я должен делать дальше.

Рэндалл кивнул.

– Я не упускал из виду и такого варианта. Не могу назвать себя большим психологом, но мне казалось возможным, что переход от вечернего «я» к дневному происходит у вас как раз при выходе из квартиры, и любое нарушение привычного распорядка может совсем выбить вас из колеи.

– Тогда почему же...

– Сейчас это не имеет значения. Видите ли, мы следили за вами вчера и знаем, куда вы ходите.

– Вы знаете? Расскажите мне, сэр! Расскажите, пожалуйста.

– Не так быстро. В самую последнюю минуту мы вас потеряли. Теперь я хочу сделать следующее: мы проводим вас по тому же самому пути, вплоть до того места, где вчера вас

потеряли. Я надеюсь, что, начиная оттуда, вами начнет руководить привычка, а мы будем следовать по пятам.

– Вы сказали «мы». Разве миссис Рэндалл помогает вам в работе?

Рэндалл замялся, запоздало сообразив, что, как ни крути, придется признаться клиенту в неполной своей искренности. Синтия бросилась ему на помощь.

– Обычно мы такого не делаем, мистер Хог, но этот случай совершенно исключительный. Вам ведь вряд ли понравится вторжение в вашу жизнь обычного наемного оперативника, так что Рэндалл решил заняться этим делом лично, привлекая при необходимости на помощь меня.

– О, даже так. Это крайне любезно с вашей стороны.

– Спасибо, но это совсем не стоит вашей благодарности.

– Нет, что вы, я крайне тронут. Но только... э-э... не знаю, достаточно ли я вам заплатил. Насколько я понимаю, услуги руководителя фирмы должны оплачиваться несколько выше?

Хог смотрел на Синтию; Рэндалл настойчиво подавал жене сигналы «Скажи „да“», но та делала вид, что не замечает его лихорадочной безмолвной жестикуляции.

– Суммы, уплаченной вами, мистер Хог, вполне достаточно. Если возникнет необходимость дополнительных расходов, мы сможем обсудить это позднее.

– Да, конечно. – Хог задумчиво подергал себя за нижнюю губу. – Я в высшей степени признателен вам за такую предусмотрительность, за то, что вы не стали знакомить с моими личными делами никого со стороны. Но я бы хотел... – С неожиданной резкостью он повернулся к Рэндаллу. – Скажите, а как вы поступите, если моя дневная жизнь окажется – ну, скажем, шокирующей?

Было видно, с каким трудом дался ему этот вопрос.

– Все останется строго между нами.

– А предположим, обнаружится не просто скандальное мое поведение, а что-либо гораздо худшее. Что-нибудь преступное. Скотское.

Отвечал Рэндалл, тщательно подбирая слова:

– У меня есть лицензия, выданная штатом Иллинойс. Согласно этой лицензии, я обязан сознавать себя чем-то вроде внештатного работника полиции – в ограниченном смысле. Конечно же, я не могу и не стану покрывать серьезное преступление. Однако в мои обязанности не входит сдавать своих клиентов властям за всякие мелкие грешки. Уверяю вас, мой клиент должен совершить очень серьезный проступок, чтобы у меня возникло желание способствовать его аресту.

– Но вы не можете заверить меня, что ни при каких обстоятельствах не сделаете этого?

– Нет.

Хог закрыл глаза и некоторое время молчал. Когда он заговорил, голос его был едва слышен:

– Но вы ведь не узнали ничего такого – пока?

Рэндалл покачал головой.

– Тогда, возможно, разумнее будет бросить все это дело прямо сейчас. Некоторые вещи лучше не знать.

Взволнованность Хога, его беспомощность в сочетании с благоприятным впечатлением, которое производила эта изящная, аккуратная квартира, вызвали у Синтии прилив сочувствия, о котором она и помыслить не могла вчера вечером.

– Ну зачем вы так нервничаете, мистер Хог, – наклонилась она к нему. – Ведь у вас нет никаких оснований думать, что вы делаете что-либо плохое.

– Да, оснований у меня нет. Никаких оснований, кроме неотвязного предчувствия.

– Но почему?

– Миссис Рэндалл, а бывало у вас так, что вы услышите за спиной какие-то звуки и боитесь повернуться? Случалось вам когда-нибудь проснуться посреди ночи и лежать с плотно зажмуренными глазами, чтобы только не узнать, что именно прервало ваш сон? Есть такие разновидности зла, которые проявляют полную свою силу лишь тогда, когда их существование осознано и признано, когда им смотрят в глаза... И вот здесь есть нечто, чему я не в силах посмотреть в глаза, – обреченно добавил он. – Мне показалось, что у меня есть такие силы, но я ошибался.

– Оставьте, – попробовала успокоить его Синтия. – Реальные факты почти всегда оказываются лучше наших страхов.

– Вы уверены в этом? Почему им не быть значительно хуже наших страхов?

– Потому, что так не бывает, они лучше.

Синтия смолкла, осознав вдруг, что расхожее мнение, которое она преподносит с таким апломбом, – всего лишь бодренькая утешительная ложь, из тех, какими взрослые успокаивают детей. Она вспомнила свою мать: та легла в больницу, опасаясь аппендицита, – и друзья, и все любящее семейство единодушно считали это обычной мнительностью – и умерла там. От рака.

Нет, факты и вправду бывают значительно хуже самых страшных страхов.

И все равно она не могла согласиться с Хогом.

– Но даже если мы предположим наихудшее. Предположим, что вы действительно занимаетесь чем-то преступным во время своих провалов памяти. Ни один суд этого государства не признает вас ответственным.

Хог бросил на Синтию взгляд, полный ужаса.

– Нет, скорее всего, они не признают меня вменяемым. Но знаете, что они тогда сделают? Вы же знаете это, правда? Вы представляете себе, что делают с сумасшедшими преступниками?

– Конечно знаю, – уверенно ответила Синтия. – С ними обращаются ровно так же, как со всеми прочими пациентами психиатрической клиники, ни о какой дискриминации нет и речи. Я видела это собственными глазами, когда работала в государственной лечебнице.

– Хорошо, вы это видели, но воспринимали все глазами постороннего. А вы можете представить себе, как все это выглядит с другой стороны? Вас заворачивали когда-нибудь в мокрые простыни? К вашей кровати ставили охранника? Вас кормили принудительно? Вы знаете, что это такое, когда ключ поворачивается в скважине при каждом вашем движении? Когда хочешь спрятаться от непрестанно наблюдающих глаз – и не можешь? – Хог встал и начал нервно мерить комнату шагами. – Но и это не самое плохое. Хуже всего соседи по палате. Вы что, думаете, что человек, у которого иногда отказывает память, не способен различить признаки сумасшествия у окружающих? У некоторых из них изо рта непрерывно текут слюни, другие ведут себя настолько по-скотски, что этого не передать словами. И все они говорят, говорят, говорят. Вы можете представить себе, как лежите на кровати, прикрученные к ней простыней, а рядом кто-то – да где там «кто-то» – что-то непрерывно повторяет: «Маленькая птичка взлетела, а потом улетела; маленькая птичка взлетела, а потом улетела; маленькая птичка взлетела, а потом улетела...»

– Мистер Хог! – Рэндалл встал и встряхнул Хога за плечо. – Мистер Хог, держите себя в руках! Нельзя так себя вести.

Хог растерянно смолк. Он перевел взгляд с Синтии на Рэндалла, потом обратно, и на его лице появилось пристыженное выражение.

– Ничего, мистер Хог, все в порядке, – сухо сказала Синтия. Однако прежнее отвращение вернулось.

– А я бы не сказал, что все в порядке, – возразил Рэндалл. – Думаю, сейчас самый подходящий случай кое в чем разобраться. Последнее время происходит много такого, чего я не понимаю, и мне кажется, мистер Хог, что вы должны прямо и откровенно ответить на несколько вопросов.

– Конечно, отвечу, мистер Рэндалл, если только сумею. – Хог искренне недоумевал. – Неужели вам кажется, что я чего-то недоговариваю?

– Я в этом абсолютно уверен. Во-первых, вы находились в лечебнице для психически невменяемых преступников. Когда это было?

– Что вы, такого не было никогда. Во всяком случае, я не думаю, чтобы такое было. Я не помню ничего подобного.

– А чем же можно тогда объяснить истерическую болтовню, которая так и сыпалась из вас последние пять минут? Вы что, придумывали все это?

– О нет! Это... Это было... это связано с санаторием Святого Георгия. Это не имеет ни малейшего отношения к... к лечебнице подобного рода.

– Санаторий Святого Георгия, говорите? К этому мы еще вернемся. Мистер Хог, расскажите мне, пожалуйста, что именно произошло вчера?

– Вчера? Днем? Но, мистер Рэндалл, вы же знаете, что я не могу рассказать, что происходит со мной днем.

– А вот я думаю – можете. Там творилось черт знает что, какое-то непонятное мошенничество, и вы находились в самом центре происходящего. Когда вы остановили меня перед зданием «Акме», что вы мне тогда сказали?

– «Акме»? Я ничего не знаю про «Акме». Я что, был там?

– Были, были, нечего строить невинные глазки, и не только были, но и еще сыграли со мной какую-то подлую шутку – накачали наркотиками, или загипнотизировали, или еще что.

Хог растерянно перевел взгляд с горящего возмущением Рэндалла на Синтию. Однако ее лицо оставалось бесстрастным, с этой стороны помощи ожидать не приходилось. В отчаянии он повернулся к Рэндаллу.

– Поверьте, мистер Рэндалл, я просто не понимаю, о чем вы говорите. Возможно, я заходил в «Акме». Но если я даже был там и делал что-то в отношении вас, мне это неизвестно.

Слова Хога звучали так серьезно, с такой торжественной искренностью, что Рэндалл заколебался, несмотря на всю свою убежденность. И все же... какого черта, ведь кто-то провел его за нос. Можно попробовать подойти к делу с другой стороны.

– Мистер Хог, если вы и вправду настолько искренни со мной, как это можно заключить из ваших слов, у вас, конечно, не появится никаких возражений против того, что я собираюсь сейчас сделать.

Рэндалл вынул из кармана серебряный портсигар, открыл его и протер зеркально-гладкую внутреннюю поверхность крышки носовым платком.

– Пожалуйста, мистер Хог.

– Что вам нужно?

– Мне нужны отпечатки ваших пальцев.

Ошеломленный Хог несколько раз судорожно сглотнул.

– Зачем вам мои отпечатки? – еле слышно спросил он.

– А в чем, собственно, дело? Если вы не замешаны ни в чем дурном, эта процедура никак не может повредить вам.

– Вы хотите сдать меня в полицию?

– У меня нет к тому никаких оснований. У меня вообще нет на вас никакого материала. Ну так давайте снимем пальчики.

– Нет!

Рэндалл встал, шагнул к Хогу и угрожающе навис над ним.

– А как вам понравится, если я переломаю вам руки? – спросил он, уже не сдерживая охватившую его ярость.

Искося взглянув на сыщика, Хог испуганно съежился, однако, похоже, остался тверд в своем нежелании дать отпечатки пальцев. Отвернув лицо к стене, он крепко прижал ладони к груди.

Рэндалл почувствовал прикосновение к своей руке.

– Хватит, Тедди. Пошли отсюда.

Хог поднял глаза.

– Да, – сказал он. – Уходите. И никогда не возвращайтесь.

– Пойдем, Тедди.

– Сейчас, потерпи минуту. Я еще не совсем покончил с мистером Хогом.

Хог посмотрел на Рэндалла, было видно, что это потребовало от него большого усилия.

– Мистер Хог, вы уже дважды упоминали санаторий Святого Георгия как свою альма-матер. Так вот, я хочу, чтобы вы знали, что я знаю, что такого места не существует в природе.

И снова Хог, если судить по его виду, искренне изумился.

– Но ведь этот санаторий существует, – настаивал он. – Ведь я же пробыл там целых... Во всяком случае, мне сказали, что он так называется, – добавил он уже с сомнением в голосе.

Презрительно фыркнув, Рэндалл повернулся к двери.

– Пошли, Синтия.

В кабине лифта Синтия повернулась к мужу.

– Чего это ты сорвался с цепи?

– А того, – со злостью ответил Рэндалл, – что не люблю такие штучки. Когда мешают противники, это куда ни шло, но когда тебя дурит твой же собственный клиент, это уже не лезет ни в какие ворота. Он вывалил перед нами целую кучу вранья, он мешал нашей работе, он организовал какую-то подлую махинацию в этой истории с «Акме». Мне не нравится, когда клиенты откалывают такие номера. Я не собираюсь с этим мириться. Деньги мне нужны, но не настолько.

– Ну что ж, – вздохнула Синтия. – Я лично с радостью готова вернуть ему эти деньги. И просто счастлива, что со всем этим покончено.

– Как это – «вернуть ему эти деньги»? Я не намерен возвращать ему никаких денег, я хочу их заработать.

Кабина лифта слегка дернулась, остановившись на первом этаже, но Синтия не прикоснулась к двери.

– Тедди! Что это ты еще придумал?

– Хог поручил мне выяснить, что он делает. Какого черта, вот я и выясню это – с его помощью или без оной.

Было видно, что Рэндалл ждет ответа, но Синтия молчала.

– А тебе, – добавил он с вызовом, но уже не так уверенно, – совсем не обязательно в этом участвовать.

– Если ты продолжишь расследование, я тоже не останусь в стороне. Вспомни, что ты мне обещал.

– А что я обещал? – с невинным видом спросил Рэндалл.

– Ты прекрасно все помнишь.

– Но послушай, Син, я собираюсь просто пополачиваться здесь, пока он не выйдет из дому, а потом проследить за ним. На это может уйти целый день. Он может решить и вообще никуда сегодня не ходить.

– Вот и прекрасно. А я буду ждать вместе с тобой.

– Но кому-то ведь надо приглядеть за конторой.

– Вот и пригляди за конторой, – предложила Синтия. – А я буду вести наблюдение за Хогом.

– Но это же просто смешно. Ты...

Кабина лифта поползла вверх.

– Ну вот. Кто-то вызывает лифт.

От ткнул пальцем в кнопку «стоп», а затем – в кнопку первого этажа. На этот раз они не стали задерживаться в кабине.

Рядом с входной дверью дома располагалось небольшое помещение – нечто вроде холла или комнаты ожидания, туда Рэндалл и направил Синтию.

– Нам нужно решить этот вопрос... – начал он.

– Он давно решен.

– Ладно, твоя взяла. Теперь выберем какую-нибудь точку.

– А почему не прямо здесь? Мы сядем здесь, и он не сможет выйти, не попав нам на глаза.

– Хорошо.

Лифт поехал вверх почти сразу, как они из него вышли. Теперь характерное звяканье возвестило о его возвращении на первый этаж.

– Ну, лапа, принимай низкий старт.

Согласно кивнув, Синтия отодвинулась поглубже в тень. С того места, где стоял Рэндалл, он видел отражение двери лифта в украшавшем холл зеркале.

– Это Хог? – прошептала Синтия.

– Нет, – так же тихо ответил ей муж. – Этот мужик крупнее. Он похож на...

Осекшись, Рэндалл схватил Синтию за руку.

Сквозь открытую дверь холла они увидели фигуру Джонатана Хога. Никуда не поворачиваясь, не заметив наблюдавших за ним сыщиков, он прошел прямо на улицу. Когда входная дверь захлопнулась, рука Рэндалла немного расслабилась.

– Чуть не прошляпил, – признал он с облегчением в голосе.

– А что случилось?

– Не знаю. Паршивое зеркало. Искажение. Ну – ноги в руки.

Выйдя из двери, они увидели, как объект их охоты спустился на тротуар и, как и днем раньше, свернул налево.

Рэндалл остановился в нерешительности.

– Он может увидеть нас, но этим стоит, пожалуй, рискнуть. Я не хочу его потерять.

– А может, поехать за ним в такси? Тогда, если он опять поедет на автобусе, мы окажемся в лучшем положении, не надо будет прыгать вслед за ним.

Даже себе самой Синтия не хотела признаться, что старается держаться подальше от Хога.

– Нет, он может и не сесть на автобус. Пошли.

Преследовать Хога не составило особого труда: он шел по улице в быстром, но не выматывающем темпе. Подойдя к той же, что и вчера, автобусной остановке, он купил газету и сел на скамейку. Рэндалл и Синтия прошли у него за спиной и укрылись за входной дверью магазина.

Когда подошел автобус, Хог, как и прежде, поднялся на второй ярус; они тоже сели в этот автобус, но остались внизу.

– Похоже, он едет туда же, что и вчера, – заметил Рэндалл. – Сегодня мы прищучим его, маленькая.

Синтия не ответила.

Когда автобус приблизился к «Акме», они были наготове и напряженно ждали появления Хога, но тот все не спускался. Резко дернувшись, автобус поехал дальше, Синтия и Рэндалл разочарованно сели.

– Как ты думаешь, что это он еще придумал? – беспокоило спросил Рэндалл. – Думаешь, он увидел нас?

– А может, он стряхнул нас с хвоста?

В голосе Синтии звучала плохо скрываемая надежда.

– Как? Спрыгнув с верхушки автобуса? Ну-ну!

– Не совсем, но почти так. Если у светофора рядом с нами встал какой-нибудь другой автобус, Хог легко мог туда перебраться. Один раз какой-то человек проделал такое у меня на глазах. А в задней части автобуса это можно сделать почти незаметно.

Рэндалл на секунду задумался.

– Я почти уверен, что ни один автобус не останавливался рядом с нашим. Но все равно Хог мог перебраться на крышу какого-нибудь грузовика, хотя одному Богу известно, как он потом слезет.

После этого разговора сыщик утратил последние остатки спокойствия.

– А знаешь, я подойду к лестнице и попробую заглянуть наверх.

– И встретишься с ним нос к носу? Ты прямо как ребенок.

Несколько кварталов неохотно уступивший Рэндалл просидел молча.

– А вот и наш угол, – заметил он.

Синтия кивнула; она не хуже мужа видела, что автобус подъезжает к их конторе, точнее – к ближайшей от нее остановке. Пришлось вынимать косметичку и пудрить нос – в восьмой раз за одну эту поездку. Маленькое зеркальце вполне сносно играло роль перископа для наблюдения за выходящими через заднюю дверь пассажирами.

– Вот он, Тедди!

Рэндалл мгновенно вскочил на ноги и бросился по проходу, размахивая при этом руками, чтобы привлечь внимание кондуктора. Вид у кондуктора был недовольный, однако он просигналил водителю задержаться.

– Чего не следишь за остановками? – пробурчал он.

– Прости, друг, я не здешний. Пошли, Син.

Человек, которого они преследовали, как раз входил в дверь того самого здания, где располагалась их контора. Рэндалл остановился.

– Странно мне все это, лапа.

– Ну и что будем делать?

– Пойдем за ним.

До здания они добрались почти бегом, но в вестибюле Хога уже не было. Мидуэй-Коптон – здание не очень большое и не из роскошных, иначе арендная плата была бы им не по карману. В нем всего два лифта, один из которых, пустой, стоял внизу, а второй, судя по указателю, только что тронулся вверх.

Рэндалл подошел к открытой кабине, но входить туда не стал.

– Джимми, – сказал он. – Сколько пассажиров сейчас в том лифте?

– Двое, – не задумываясь ответил лифтер.

– Точно?

– Да. Я трепался с Бертом до самого момента, когда он закрыл двери. Мистер Гаррисон и какой-то еще тип. А что?

Рэндалл сунул ему четвертак.

– Да так, – неопределенно ответил он, не сводя глаз с медленно поворачивающейся стрелки указателя. – А на какой этаж поехал мистер Гаррисон?

– Седьмой.

Стрелка как раз остановилась на семерке.

– Отлично.

Стрелка двинулась снова, миновала восьмерку, девятку и остановилась на числе десять.

Рэндалл впихнул Синтию в кабину.

– Наш этаж, Джимми, – чуть не выкрикнул он. – И побыстрее.

На пульте рядом с четверкой настойчиво мигала сигнальная лампочка «вверх». Джимми потянулся было к кнопкам, но Рэндалл схватил его за руку.

– Ничего с ними не случится, подождут немного.

Лифтер пожал плечами, но возражать не стал. Коридор десятого этажа оказался пустым. Мгновенно оценив обстановку, Рэндалл повернулся к Синтии.

– Пробежись быстренько по другому крылу, Син, – сказал он и быстро двинулся направо, к их конторе.

Синтия, вообще-то говоря, от своей прогулки не ожидала никаких результатов. Она находилась в полной уверенности, что Хог приехал сюда из-за их конторы. Однако привычка во время операций беспрекословно выполнять указания мужа взяла свое: если Тедди хочет проверить и второй коридор, она, конечно же, так и сделает. В плане этаж представлял собой нечто вроде заглавной «Н», причем лифты располагались в перекладине буквы. Синтия свернула налево. Никого. Развернувшись, она посмотрела в противоположную сторону – опять пустой номер. И тут у нее появилась мысль, что Хог мог выйти на пожарную лестницу – вероятность ничтожная, но и исключать ее тоже нельзя. В действительности пожарная лестница находилась в том направлении, куда она посмотрела сначала, в задней части здания, но Синтию обманула привычка – в том крыле, где располагалась их контора, все, конечно же, было зеркально вывернуто по сравнению с этим крылом.

Сделав три или четыре шага по коридору, выходящему на улицу, она осознала свою ошибку: впереди виднелось открытое окно, за которым не было никакой пожарной лестницы. Негромко выругав себя за свою глупость, Синтия повернулась.

И увидела в нескольких шагах от себя Хога.

И тогда эта профессионалка крайне непрофессионально взвизгнула.

– А, миссис Рэндалл, – зловеще улыбнулся Хог.

Синтия ничего не ответила, она просто не могла придумать, что тут можно сказать. В ее сумочке лежал пистолет тридцать второго калибра, появилось страшное желание выхватить его и начать стрелять. Когда-то она работала «приманкой» в полицейской наркобригаде и получила две благодарности за хладнокровную отвагу в опасных ситуациях; сейчас она не замечала у себя ни хладнокровия, ни отваги.

Хог сделал шаг в ее сторону.

– Вы ведь хотели найти меня здесь?

Синтия отступила на шаг.

– Нет! – еле слышно выдохнула она. – Нет!

– Но ведь я знаю, что хотели. Вы думали, что я в вашей конторе, однако я предпочел встретиться не с вашим мужем, а с вами. Здесь.

Сейчас коридор был глухим и безлюдным, не слышались даже обычные в таких местах перестуки пишущих машинок и обрывки разговоров. Словно огромные бельма, слепо таращились матовые стеклянные двери. Едва долетавший сюда, на десятый этаж, уличный шум был сейчас единственным звуком, если не считать немногих слов, которыми обменивались Хог и Синтия.

Хог подошел ближе.

– Вы ведь хотели снять у меня отпечатки пальцев? Вы хотели проверить их и узнать про меня всякие вещи. Вы и ваш всюду лезущий со своим длинным носом муженек.

– Отойдите от меня!

Хог продолжал улыбаться.

– Ну что вы. Вы ведь хотели получить отпечатки моих пальцев? Ну так вы их получите.

Вытанув вперед руки с широко растопыренными пальцами, он потянулся к Синтии. В ужасе она отпрянула от этих страшных, готовых вцепиться в нее рук. И сейчас Хог не казался

маленьким, он стал выше, шире – даже крупнее, чем Тедди. Его глаза смотрели на нее сверху вниз.

Каблук пятившейся Синтии во что-то уперся, она поняла, что дошла до самого конца коридора – до тупика.

Руки приближались.

– Тедди! – закричала она. – Тедди!

Склонившийся над ней Тедди шлепал ее по щекам.

– Прекрати, – возмущенно сказала Синтия. – Больно ведь.

Рэндалл вздохнул с облегчением.

– Ну, маленькая, уж я тут перепсиховал. Ты же была в отключке, не знаю сколько времени.

Только сейчас вспомнив все происшедшее, Синтия в ужасе застонала.

– И ты знаешь, где я тебя подобрал? Здесь! – Он указал на место прямо под раскрытым окном. – Упала ты не так удачно, тебя бы сейчас соскребали с асфальта. А что случилось? Захотела посмотреть вниз, и головка закружилась?

– Ты поймал его?

– Вот это понимаю – профессионал, – с восхищением посмотрел на жену Рэндалл. – Нет, хотя почти поймал. Я увидел его в противоположном конце коридора и немного помедлил, хотелось посмотреть, что это он задумал. Если бы ты не закричала, я бы его точно...

– Если бы я не закричала?

– Ну да. Он остановился перед дверью нашей конторы, дверь хотел вскрыть, наверное, а тут вдруг...

– Кто остановился?

– Как кто? – недоуменно посмотрел на жену Рэндалл. – Да Хог же, конечно... Синти! Встряхнись! Никак ты собираешься снова шлепаться в обморок?

Синтия набрала в легкие воздух и медленно выдохнула.

– Со мной все в порядке, – мрачно сказала она. – Сейчас. Когда ты рядом. Доведи меня до конторы.

– Может, отнести тебя?

– Нет, только дай руку.

Осторожно подняв жену на ноги, Рэндалл начал отряхивать ее платье.

– Брось, не до того, – отмахнулась от него Синтия. Однако сама она задержалась, чтобы попытаться – безо всякого успеха – послушавленным пальцем остановить длинную стрелку на чулке.

Открыв дверь конторы, Рэндалл осторожно усадил Синтию в кресло и протер ей лицо мокрым полотенцем.

– Ну как, лучше?

– Да я вообще в порядке – физически. Нужно только кое-что выяснить. Так, значит, Хог пытался забраться в нашу контору?

– Ага. Вовремя мы врезали этот хитрый замок.

– И как раз в это время я закричала?

– Ну да.

Синтия задумчиво побарабанила пальцами по ручке кресла.

– В чем дело, Син?

– Ни в чем. Все нормально, кроме одного обстоятельства: я закричала потому, что Хог пытался меня задушить.

Рэндаллу потребовалось довольно много времени, чтобы хоть что-нибудь сказать, да и после раздумий его вопрос не блистал глубокомыслием.

– А?

– Да, милый, я понимаю. Вот так оно все и есть, хотя это – сумасшедший дом какой-то. Хог опять сыграл с нами эту шутку, не знаю уж, как ему такое удастся. Только я могу поклясться на чем угодно, что он пытался меня задушить. Точнее, что я так думала.

Синтия подробно изложила мужу все случившееся.

– Ну и что же теперь получается? – закончила она свой рассказ.

– Хотел бы я знать, – ответил Рэндалл. – Очень хотел бы. Если бы не вчерашняя история в «Акме», я бы сказал, что у тебя закружилась голова, ты упала в обморок и очнулась немного не в себе. Но теперь я и не знаю, кто из нас свихнулся. Ведь я был абсолютно уверен, что вижу его.

– А может, у нас обоих крыша поехала? Стоило бы нам вместе показаться хорошему психиатру.

– У обоих? А может, все-таки у одного кого-нибудь? Разве бывает, чтобы два человека свихнулись одним и тем же образом?

– Бывает. Это случается, хотя и редко. Folie à deux.

– Фоли аду?

– Индуцированное бредовое расстройство. Это когда слабости двоих людей совпадают, и они усиливают сумасшествие друг друга.

Синтия вспомнила истории болезни, которые когда-то изучала: обычно один из членов такой психованной парочки играл доминирующую роль, а другой – подчиненную, но сейчас не хотелось упоминать об этом. Она имела собственное мнение о том, кто доминирует в их семье, однако из соображений стратегических держала это мнение при себе.

– А может, – сказал Рэндалл после долгого молчания, – нам просто нужно хорошенько отдохнуть? Съездить на Мексиканский залив, поваляться на солнышке?

– А вот эта, – охотно поддержала его Синтия, – мысль отличная, вне зависимости от чего бы то ни было. Я никогда не понимала, откуда берутся охотники жить в таком мерзком, грязном, уродливом месте, как Чикаго.

– Сколько у нас денег?

– После оплаты всех счетов и налогов останется сотен восемь. Ну и пять сотен Хога, если ты хочешь считать и их тоже.

– Думаю, мы их заработали, – мрачно сказал Рэндалл. – Послушай! А у нас и вправду есть эти деньги? А вдруг это тоже было надувательством?

– Ты хочешь сказать, никакого мистера Хога никогда и не было, а сейчас придет сестричка и принесет нам вкусный обед?

– Мм... ну что-то в этом роде. Так есть у тебя эти деньги?

– Я думаю, что есть. Подожди секунду.

Открыв сперва сумочку, а затем – закрытое на молнию отделение этой сумочки, Синтия проверила наличность.

– Здесь они, как миленькие. Красивые такие зелененькие бумажки. Поехали в отпуск, Тедди. Да и вообще, чего мы сидим в этом Чикаго?

– А того, что здесь для нас есть работа. Кушать-то надо или нет? Кстати, спсихел я или нет, но стоит узнать, кто за это время звонил.

Рэндалл потянулся было к телефону, но тут его взгляд упал на пишущую машинку. На секунду Рэндалл замер и смолк.

– Подойди сюда, – сказал он наконец каким-то чужим, напряженным голосом. – Погляди.

Синтия вскочила на ноги, подошла к мужу и заглянула через его плечо. В пишущую машинку был вставлен их собственный фирменный бланк, на котором чернела одна-единственная строчка:

ЛЮБОПЫТНОМУ НОС ПРИЩЕМИЛИ.

Синтия почувствовала болезненный спазм где-то в нижней части желудка. Она стояла и молчала.

– Син, это ты напечатала?

– Нет.

– Ты уверена?

– Да.

Синтия потянулась, чтобы вынуть лист из машинки, но Рэндалл остановил ее руку.

– Не трогай. Отпечатки.

– Ладно. Но только есть у меня предчувствие, – добавила она, – что на этом ты не найдешь вообще никаких отпечатков.

– Может, и нет.

И все-таки Рэндалл сделал попытку. Вынув из нижнего ящика стола свою технику, он опылил и бумагу, и машинку – одинаково безрезультатно. Не было даже отпечатков пальцев Синтии, которые могли бы запутать дело; отличаясь образцовой аккуратностью, она ежедневно протирала машинку перед уходом домой.

– Сдается, ты видел, как он выходит из конторы, а не входит в нее, – заметила Синтия, наблюдая за бесплодными стараниями мужа.

– Чего? Как это?

– Вскрыл, наверное, замок.

– Только не этот. Ты забываешь, что этот замок – одно из высших достижений мистера Йейла. Сломать его, очень постаравшись, можно, но вскрыть – никогда.

Синтия не ответила, она просто не знала, что и ответить. Рэндалл посмотрел на машинку с таким выражением, словно хотел спросить у нее, что же произошло в этой комнате, затем выпрямился, собрал свое хозяйство и засунул его в ящик.

– Что-то есть мерзкое во всей этой истории, – сказал он, начиная нервно расхаживать по слишком тесной для такого занятия комнате.

Синтия вынула из своего стола тряпочку, стерла порошок с машинки, села и стала молча смотреть на взволнованного мужа. Беспокойство, отражавшееся на ее лице, не было беспокойством за себя, однако назвать его полностью материнским тоже было нельзя. Она беспокоилась за них обоих, за всю семью.

– Син, – резко остановился Рэндалл. – Этому нужно положить конец.

– Вот и прекрасно, – согласилась Синтия. – Давай положим этому конец.

– Каким образом?

– Уедем в отпуск.

Рэндалл покачал головой.

– Я не могу сбежать от этой истории. Я должен знать.

– А вот я бы предпочла ничего не знать, – вздохнула Синтия. – Мы встретились с чем-то слишком огромным, бороться нам просто не под силу – так что же постыдного будет в бегстве?

– Что это с тобой, Син? – недоуменно посмотрел на нее Рэндалл. – Раньше ты никогда не трусила.

– Да, – медленно произнесла она. – Я никогда не трусила. Но у меня никогда и причин к тому не было. Погляди на меня, Тедди, – ведь ты знаешь, что я не из «женственных» женщин. Мне совсем не надо, чтобы ты ввязывался в драку, когда в ресторане ко мне пристает какой-нибудь балбес. Я не начинаю визжать при виде крови и не требую, чтобы ты исключил из своего

лексикона выражения, не достойные моих нежных девичьих ушек. А что касается работы – разве я тебя хоть раз подводила? Я имею в виду – из-за трусости. Подводила?

– Кой черт, конечно нет. А я этого и не говорю.

– Но здесь совсем другое дело. Несколько минут назад – ведь у меня в сумочке лежал пистолет, но я не могла его использовать. Бессмысленно спрашивать почему. Просто не могла.

Рэндалл выругался длинно и цветисто.

– Жаль, я его тогда не видел. Уж за мной бы не заржавело.

– Ты уверен?

Увидев, как изменилось выражение лица мужа, она подошла к нему и чмокнула его в кончик носа.

– Я совсем не хочу сказать, что ты бы испугался, ты же понимаешь, что я имела в виду совсем другое. Ты смелый, ты сильный, и я лично считаю тебя умным. Но ты подумай: вчера он обвел тебя вокруг пальца и заставил поверить, что ты видишь вещи, которых не было и в помине. Ну так почему же ты не взялся за свой пистолет?

– У меня не было ни случая, ни причины.

– Вот именно. Ты видел то, что должен был видеть, согласно чьему-то решению. Как можно драться, если нельзя верить даже своим собственным глазам?

– Какого черта, не может же этот проклятый коротышка...

– Не может, говоришь? А вот я тебе скажу, что он может.

Синтия начала загибать пальцы.

– Он может быть в двух местах одновременно. Он может заставить тебя видеть одно, а меня в то же самое время – другое. Помнишь, перед «Акме»? Он может заставить тебя считать, что ты посетил фирму, которая не существует, на этаже, которого отродясь не бывало. Он может пройти сквозь запертую дверь, чтобы воспользоваться пишущей машинкой. И он не оставляет отпечатков пальцев. Ну и что же получается, если сложить все это вместе?

– Чушь какая-то получается, – раздраженно махнул рукой Рэндалл. – Или колдовство. А в колдовство я не верю.

– И я тоже.

– Ну а тогда получается, – засмеялся Рэндалл, – что мы оба с приветом.

Однако смех его трудно было назвать веселым.

– Возможно, и так. Если это колдовство, нам стоило бы сходить к священнику.

– Я же сказал, что не верю в колдовство.

– Слышала. Ну а если второй вариант, нам нет никакого смысла пытаться следить за мистером Хогом. Ведь не может человек в белой горячке переловить своих зеленых чертей и сдать их в зоопарк. Ему лучше обратиться к доктору, как, возможно, и нам.

– Слушай! – неожиданно насторожился Рэндалл.

– Что слушать?

– Ты сейчас напомнила мне о совсем упущенном нами моменте. Врач Хога, ведь мы так и не проверили его.

– Но ты же сам и проверил, забыл, что ли? Никакого такого врача не существует.

– Я не про доктора Рено, я про доктора Потбери, того, к которому Хог носил свою грязь из-под ногтей.

– А ты что, веришь, что так оно и было? Я считала это частью той кучи вранья, которую он нам наплел.

– Я тоже. Но проверить все-таки не мешает.

– Зуб даю, нет такого доктора.

– Скорее всего, так оно и есть, но нам нужно знать. Дай-ка телефонную книгу.

Получив у Синтии справочник, Рэндалл начал его перелистывать.

– Потбери... Потбери. Здесь их целых полстолбца. Но среди них ни одного Д. М.⁵, – подытожил он безуспешные поиски. – Посмотрим «желтые страницы», иногда врачи не помещают в справочниках своего домашнего адреса.

Синтия передала мужу другой том телефонной книги.

– «Врачи и хирурги». Господи, да сколько же их тут! Врачей больше, чем забегаловок, – можно подумать, половина города только и делает, что лечится. Ну вот, пожалуйста. «Потбери, П. Т., Д. М.»

– Да, возможно, это тот самый, – согласилась Синтия.

– А чего же мы ждем? Поедем и узнаем.

– Тедди!

– Ну что тут такого? – оправдывающимся голосом спросил Рэндалл. – Ведь Потбери – это не Хог и...

– Не знаю, не знаю.

– Чего? Что ты хочешь сказать? Ты думаешь, что Потбери, может быть, тоже замешан во всей этой дикой афере?

– Я не знаю. Просто мне хотелось бы совсем позабыть про нашего милого мистера Хога.

– Слушай, киска, да чего же тут такого страшного? Сяду я в машину, быстренько доеду, задам глубокоуважаемому доктору пару вполне пристойных, уместных вопросов и вернусь как раз к ланчу.

– Машину мы отдали в ремонт, на притирку клапанов, ты что, забыл?

– Ну и что, поеду надземкой, даже и быстрее.

– Если ты так настаиваешь, поедem вместе. Теперь, Тедди, мы все время будем вместе.

Рэндалл задумчиво подергал себя за губу.

– Может, ты и права. Мы же не знаем, где сейчас Хог. Если ты предпочитаешь...

– Предпочитаю. Совсем недавно мы с тобой разошлись на какие-то три минуты – и посмотри, что из этого вышло.

– Да, пожалуй. И уж конечно, очень не хочется, чтобы с тобой что-то случилось.

– Я не про себя, я про нас, – возразила Синтия. – Если с нами случится, я бы предпочла, чтобы с обоими случилось одно и то же.

– Хорошо, – с неожиданной серьезностью согласился Рэндалл. – С этого момента мы держимся вместе. Если хочешь, сцепимся наручниками.

– Незачем, я и так от тебя не отстану.

⁵ Д. М. – доктор медицины.

6

Кабинет Потбери располагался на юге города, за университетом. Миля за милей рельсы надземки тянулись среди давно знакомых жилых кварталов. Обычно подобные пейзажи воспринимаются механически, почти не отражаясь в мозгу, но сегодня Синтия глядела на них и видела, причем видела окрашенными в тона своего мрачного настроения.

Четырех-, пятиэтажные дома без лифтов, отвернувшиеся фасадами от линии надземки, в каждом здании – не меньше десяти семей, а чаще – два десятка, даже больше. Дома эти теснятся почти вплотную друг к другу, деревянные крылечки черных лестниц ясно говорят, какими ловушками станут эти перенаселенные крольчатники в случае пожара, несмотря на свои кирпичные стены. Семейные постирушки, вывешенные сохнуть на эти самые крылечки, мусорные баки. Миля за милей уродливого, унижительного убожества.

И на всем – черная пленка грязи, вечной и неизбежной, – в точности такой же, как и грязь на раме вагонного окна, сквозь которое смотрит Синтия.

Она начала думать об отпуске, о чистом воздухе и ярком солнечном свете. Зачем оставаться в Чикаго? Чем этот город может оправдать свое существование? Один приличный бульвар, один приличный пригород на севере, но жить в нем по карману только богатым, два университета и озеро. А все остальное – бесконечные мили грязных, наводящих тоску улиц. Этот город словно огромный загон для скота.

Теперь дома сменились вагонным парком надземки, поезд свернул налево и полетел на восток. Еще несколько минут поездки, и они сошли на остановке Стоуни-Айленд; Синтия с большим облегчением вышла из поезда, избавилась от слишком уж откровенных, повергающих в уныние картин изнанки повседневной жизни – даже шум и грошовой торгашество Шестидесят третьей улицы, по которой шли теперь они с Рэндаллом, казались предпочтительнее.

Окна кабинета Потбери выходили на улицу, давая великолепный вид на эстакаду надземки. В таком месте терапевт может не сомневаться, что пациентов у него будет достаточно, в равной степени ему не приходится сомневаться, что ни богатых людей, ни знаменитых среди этих пациентов не окажется. Маленькая душная комната ожидания была переполнена, но очередь двигалась быстро, так что ждать Рэндаллу и Синтии пришлось недолго.

– Кто из вас пациент? – спросил Потбери, окинув их взглядом. Выглядел врач довольно раздраженным.

Они собирались подойти к вопросу о Хоге исподволь, используя в качестве предлога для визита недавний обморок Синтии. Следующая фраза, произнесенная Потбери, совершенно поломала такую схему – с точки зрения Синтии.

– Кто бы ни был пациентом, второй может подождать снаружи. Я не люблю устраивать здесь митинги и демонстрации.

– Моя жена... – начал Рэндалл.

Синтия крепко сжала его руку.

– Моя жена и я, – без малейшей запинки перестроился он, – хотели задать вам, доктор, пару вопросов.

– Ну и?.. Говорите.

– У вас был один пациент – некий мистер Хог.

Торопливо встав, Потбери подошел к выходящей в комнату ожидания двери, убедился, что она плотно закрыта, и повернулся спиной к этому единственному выходу из кабинета.

– Ну, так что же насчет Хога? – зловеще спросил он.

Рэндалл вынул свои документы.

– Вы можете сами убедиться, что я имею вполне законное право проводить расследование. У моей жены тоже есть лицензия.

– Какое отношение имеете вы к... к упомянутому вами человеку?

– Он поручил нам провести некое расследование. Ваша профессия чем-то близка к моей, и как врач вы понимаете, что я предпочитаю откровенность...

– Вы работаете на него?

– И да и нет. Если конкретнее, мы пытаемся узнать некоторые факты, касающиеся его жизни, но ему это известно, мы не делаем ничего за его спиной. Можете, если хотите, позвонить и убедиться в этом лично.

Рэндалл сделал такое предложение скорее вынужденно, он надеялся, что Потбери им не воспользуется.

Именно так Потбери и поступил, однако его поведение не внушало особых надежд.

– Разговаривать с ним? Только под страхом смертной казни. Что вы хотите про него узнать?

– Несколько дней назад, – осторожно начал Рэндалл, – Хог принес вам на анализ некое вещество. Я хочу узнать, что это было за вещество.

Потбери негодуяще фыркнул.

– Всего несколько минут назад вы сами напомнили мне о родстве наших профессий. Удивляюсь, как вам в голову могло прийти задать подобный вопрос.

– Я понимаю вашу точку зрения, я знаю, что врачебные сведения о пациенте являются конфиденциальными. Однако в данном конкретном случае имеется...

– Вам лучше этого не знать.

Рэндалл на секунду задумался.

– Знаете, доктор, я достаточно насмотрелся на изнанку жизни, так что вряд ли что-нибудь может меня шокировать. Может быть, вас стесняет присутствие миссис Рэндалл?

Потбери с интересом посмотрел на него, а затем перевел взгляд на Синтию.

– Вы выглядите довольно приличными людьми, – снизошел он в конце концов. – Вероятно, вы и вправду считаете, что шокировать вас почти невозможно. Но позвольте дать вам хороший совет. Как я понимаю, вы тем или иным образом связаны с этим человеком. Так вот, держитесь от него подальше. Не имейте с ним никаких дел. И не спрашивайте меня, что было под его ногтями.

Синтия с трудом сдержала возглас удивления. Она не участвовала в беседе, однако следила за ней очень внимательно. И Тедди ни словом не упомянул прежде о ногтях.

– Но скажите мне, почему? – настаивал Рэндалл.

Потбери начинал подавать признаки раздражения.

– Вы довольно глупый юноша, сэр. Позвольте мне сказать вам следующее: если вы знаете об этой личности не больше, чем можно судить по вашему поведению, то не имеете и малого представления о бездонности скотства, возможного в этом мире. И это ваше счастье. Лучше, несравненно лучше не знать этого.

Рэндалл помедлил, он понимал, что спор поворачивается не в его пользу. Затем он сделал новую попытку:

– Хорошо, доктор, предположим, вы правы. Но почему же тогда, зная, что он такой злодей, вы не сообщили о нем в полицию?

– А откуда вы знаете, что не сообщил? Но я отвечу вам на ваш вопрос, сэр. Нет, я не сообщил о нем в полицию и поступил так по очень простой причине: от этого не было бы никакого проку. Наши блюстители порядка не обладают ни умом, ни фантазией, необходимыми, чтобы хотя бы представить себе самую возможность связанного с Хогом зла. В наши дни, в наш век он просто неуязвим для правосудия.

– Простите, я не понял, что вы имели в виду, говоря «в наши дни, в наш век».

– Ничего, не обращайтесь внимания. И вообще с обсуждением этого вопроса покончено. Вначале вы сказали что-то про свою жену, так она что, хотела со мной проконсультироваться?

– Ерунда, – торопливо вмешалась Синтия. – Ровно ничего серьезного.

– Просто предлог? – почти дружелюбно улыбнулся Потбери. – Так что там у вас было?

– Пустяки. Утром со мной случился обморок, но сейчас все в порядке.

– Хм-м. Вы ведь не в положении? По глазам не похоже. Вид у вас вполне здоровый, ну, может, чуть анемичный. Думаю, вам не повредило бы побольше солнца и воздуха.

Подойдя к дальней стене кабинета, Потбери открыл белый шкафчик и начал перебирать пузырьки. Через минуту он вернулся с небольшим стаканчиком, наполненным янтарно-коричневой жидкостью.

– Выпейте это.

– А что это такое?

– Тонизирующее. В его составе как раз достаточно «того, от чего проповедник заплясал», чтобы вам понравилось.

Синтия нерешительно посмотрела на мужа.

– Не хочется пить в одиночку? – весело поинтересовался Потбери, перехватив этот взгляд. – Ну что ж, нам это тоже не повредит.

Он опять отошел к шкафчику и вернулся с двумя новыми порциями коричневатой жидкости, одну из которых вручил Рэндаллу.

– Ну, давайте за то, чтобы забыть обо всех неприятностях, – сказал он, поднял свой стаканчик и опрокинул его в рот.

Рэндалл тоже выпил, а затем его примеру последовала и Синтия. «Вполне приличная отравка», – подумала она. Малость горьковатая, но вкус виски – а это именно виски, решила она, а не какой-то там медицинский спирт – покрывал все остальные привкусы. Возможно, бутылочка такого тонизирующего и не принесет реальной пользы, но зато почувствуешь ты себя значительно веселее.

Потбери проводил их к двери.

– Если ваш обморок повторится, миссис Рэндалл, приходите сразу ко мне, и я вас тщательно обследую. А пока не беспокойтесь попусту о таких делах, в которых вы бессильны.

На обратном пути Синтия и Рэндалл сели в последний вагон и достаточно далеко от других пассажиров, чтобы говорить, не стесняясь ничьим присутствием.

– Ну и что ты можешь про все это сказать? – спросил Рэндалл, когда они устроились на своих местах.

– Даже и не знаю, – наморщила лоб Синтия. – Ясно как божий день, что Потбери не любит Хога, только он так и не сказал почему.

– Вот-вот.

– А как понимаешь все это ты, Тедди?

– Во-первых, Потбери знает Хога. Во-вторых, Потбери крайне озабочен, чтобы мы не узнали ничего про Хога. В-третьих, Потбери ненавидит Хога – и боится его.

– Да? А почему ты так решил?

Вот за такие снисходительные улыбочки Синтия иногда была готова выцарапать любимому мужу глаза.

– Пошевели немного извилинами, красавица. Думаю, я могу сойтись с Потбери, но только напрасно он надеется напугать меня так, чтобы я прекратил попытки узнать, чем занимается Хог в свое рабочее время.

Синтия вполне резонно решила не спорить сейчас с мужем: за годы совместной жизни она узнала его достаточно хорошо.

По ее просьбе они поехали прямо домой, а не в контору.

– Я сейчас просто не могу, Тедди. А если ему так уж хочется поиграть с моей пишущей машинкой – ну и пускай его.

– Все еще дрожат коленки после несостоявшегося прыжка в окно? – озабоченно спросил Рэндалл.

– Да, вроде.

Почти весь оставшийся день Синтия продремала. «Похоже, – думала она, – что от этого самого тонизирующего никакого проку – только голова кружится да во рту противный вкус».

Рэндалл не стал мешать ей. Покрутившись бесцельно по квартире, он установил мишень и начал было свои метательные упражнения, но вовремя сообразил, что может разбудить Синтию. Заглянув в спальню, он увидел, что она и вправду мирно спит. Тогда Рэндалл решил, что, проснувшись, его жена вряд ли откажется от пива, найдя таким образом вполне удовлетворительный предлог для прогулки, тем более что и сам хотел пива. Слегка побаливала голова, ничего особенного, но только после посещения доктора ему все время было как-то не по себе. Ерунда, пара пива – и все пройдет.

А как раз не доходя до ближайшей деликатесной лавки располагалась вполне уютная пивная, в которую Рэндалл и завернул, чтобы опрокинуть кружку разливного. В какой-то момент он с удивлением обнаружил, что невесть уже сколько времени с пылом втолковывает хозяину заведения, почему именно вся совокупность реформ никогда не покончит с машиной, заправляющей городом.

Выходя из пивной, он припомнил все-таки первоначальное свое намерение, а потому вернулся домой, нагруженный пивом и разнообразными мясными деликатесами. Синтия уже встала и возилась на кухне.

– Приветик, крошка!

– Тедди!

Рэндалл поцеловал ее, еще не успев освободить руки от свертков.

– Испугалась небось, когда проснулась, а меня нету?

– Не то чтобы, но лучше бы ты оставил записку. Что это у тебя?

– Пиво и всякое мясное. Рада?

– Отлично. Не хочу сегодня никуда идти и вот пробую сообразить, что бы состряпать, но в доме ни кусочка мяса.

Синтия взяла свертки.

– Кто-нибудь звонил или заходил?

– Ага. Проснувшись, я позвонила на станцию, там ничего интересного. Но зеркало уже доставили.

– Зеркало?

– Не строй невинные глазки, Тедди. Большое спасибо за такой приятный сюрприз. Пойди посмотри, как теперь красиво в спальне.

– Слушай, давай-ка разберемся, – остановил ее Рэндалл. – Я не знаю ничего ни про какое зеркало.

Синтия удивленно смолкла.

– А я думала, ты купил его мне как сюрприз. Грузчики сказали, что за него уже уплачено.

– А на чье имя его доставили, на твое или мое?

– Даже и не заметила, я ведь тогда едва проснулась. Просто подписала какую-то бумажку, а они распаковали его и повесили, где я попросила.

Зеркало оказалось очень красивым – толстое шлифованное стекло с фаской, безо всякой рамы – и довольно большим. Рэндалл был вынужден согласиться, что теперь туалетный столик Синтии выглядит совсем по-другому.

– Знаешь, лапа, если ты хочешь такое зеркало – я тебе куплю. Но это зеркало не наше. Думаю, нужно позвонить и сказать, чтобы его у нас забрали. Где квитанция?

– Они, кажется, взяли ее с собой. Да и вообще сейчас уже поздно, все закрыто.

– Тебе оно, что, очень понравилось? – снисходительно, как ребенку, улыбнулся Рэндалл. – Ну ладно, на сегодня оно твое, а завтра я подсуежусь добыть другое.

Это и вправду было великолепное зеркало – абсолютно прозрачное стекло, покрытое безупречным слоем амальгамы. Синтии казалось, что в него можно просунуть руку, как в открытое окно.

Когда они легли, Рэндалл уснул быстрее Синтии. «Это потому, – подумала она, – что я чуть не весь день провалялась». Приподнявшись на локте, она смотрела на мерно дышащего во сне мужа. Тедди. Он очень добрый – во всяком случае, ко мне. Завтра я скажу, чтобы он не беспокоился доставать другое зеркало: зачем оно мне, собственно? Мне нужно одно: всегда быть с ним, чтобы ничто нас не разделяло. Вещи ровно ничего не значат, быть вместе – это единственно важная вещь.

Синтия взглянула на зеркало. Красивое, слов нет. И такое прозрачное – ну как распахнутое окно. Сейчас ей показалось, что она может пролезть сквозь это зеркало, как Алиса пролезла в Зазеркалье.

Проснулся Рэндалл оттого, что кто-то кричал его имя.

– Вылезай из постели, Рэндалл. Ты опаздываешь.

Не Синтия, это уж точно. Он сонно потер глаза и попытался их сфокусировать.

– В чем дело?

– В тебе, – сказал проснувшийся сквозь новое зеркало Фиппс. – Пошевеливайся! Не заставляй нас ждать.

Рэндалл инстинктивно посмотрел на соседнюю подушку. Синтия исчезла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.